

A person in a dark coat is walking away from the viewer on a dirt path that stretches into the distance. The path is illuminated by a bright, golden light that originates from a vertical beam of light in the sky. The sky is filled with large, dramatic clouds, and the overall scene is bathed in a warm, golden glow. The person is centered in the lower half of the frame, looking towards the light.

Анатолий Шигапов

Наследие

Анатолий Шигапов

Наследие

<https://litres.ru/74080781>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инспекторы - древнейшие существа во вселенной прибыли, чтобы оценить человечество. У нас есть 33 дня, чтобы доказать: мы достойны владеть Хроникой. В противном случае нас вернут в «докоррекционное состояние» — на 200 миллионов лет назад. Как будто нас никогда не было.

Инспекторы отключают строки, давая каждому абсолютную свободу. Мир погружается в хаос: «боги» захватывают власть, «нигилисты» создают пустоту, утопии становятся тюрьмами. Но Анна и Александр выбирают иной путь - они отказываются от силы, чтобы показать: величие не в могуществе, а в выборе.

Финальная книга трилогии - о цене любви, о силе памяти и о том, что быть человеком - величайшее чудо во вселенной.

Анатолий Шигапов

Наследие

Дорогой читатель!

Перед вами - третья книга цикла, и я пишу это предисловие с чувством, которое не поддается словам. Завершение большой истории всегда похоже на прощание с домом, в котором ты прожил долгую жизнь. С одной стороны, ты испытываешь облегчение - как будто наконец снял с плеч тяжёлый груз, который нёс долгие годы. С другой стороны, тебе горько расставаться с героями, которые стали частью твоего существа. Анна Новак и Александр Волков поселились в моей голове почти пять лет назад и с тех пор не покидали её ни на один день. Я видел их в самых разных обстоятельствах: в опасности, в любви, в яростных спорах и в том особом молчании, которое бывает только между двумя людьми, прошедшими через общий ад. Я знаю, о чём они думают, когда за окном идёт дождь, когда их руки сплетаются на балконе, когда Анна смотрит в ночное небо и ищет там звёзды, которые могли бы стать улыбкой Миши. И теперь, когда я ставлю точку в этой части их пути, я чувствую, как внутри разливается тишина - та особенная тишина, которая наступает после того, как сказаны все слова.

Но, прежде чем мы перейдём к самой книге, я хочу сказать несколько слов о том, что вдохновило меня на этот сю-

жет.

Соблазн абсолютной власти

Когда я начал работать над третьей книгой, я задал себе простой вопрос: что бы я сделал, если бы у меня была абсолютная сила? Не в абстрактном смысле - я спрашивал себя по-настоящему, честно, без прикрас. Если бы я мог исцелить все болезни, накормить всех голодных, воскресить всех умерших - что бы я выбрал? Ответ оказался не таким простым, как я думал.

С одной стороны, я хотел бы использовать эту силу во благо. Кто не хотел бы? Кто не мечтал бы избавить мир от страданий? Но, с другой стороны, я понимал: сила развращает. Не потому, что она злая - потому что она даёт тебе ощущение, что ты знаешь лучше других. Что ты видишь картину целиком, а они - лишь её фрагменты. Что твои решения - правильные, а их сомнения - просто невежество.

Это опасная ловушка. Я видел её в истории - много раз. Великие революции, начинавшиеся с благих намерений, заканчивались террором. Утопии превращались в антиутопии. Спасители становились тиранами. Не потому, что они были злыми. Потому что они были уверены в своей правоте.

Именно поэтому в моей книге Анна Новак отказывается от абсолютной власти. Не один раз, а многократно. Она могла бы воскресить Мишу - и отказывается. Она могла бы стать богом - и выбирает остаться человеком. Она могла бы подавить недовольство силой - и предпочитает диалог. Это

не слабость. Это величайшая сила, которую я знаю: способность удержаться от того, что ты можешь сделать.

Испытание Зеркалом

Центральная идея книги - Испытание Зеркалом - родилась из простого наблюдения. Мы часто думаем, что знаем себя. Мы строим теории о своей личности, о своих ценностях, о своих моральных принципах. Но настоящая проверка наступает, когда нам дают абсолютную власть. Когда никто не может нас остановить. Когда мы сами становимся своими единственными судьями.

Что мы сделаем тогда?

Вот что, на мой взгляд, отличает человечество от всех других цивилизаций в моей вселенной. Двенадцать предыдущих цивилизаций провалили это испытание. Они либо хватались за абсолютную силу и разрушали себя, либо отказывались от неё из страха и становились рабами. Только человечество нашло третий путь - путь самоограничения. Не из страха. Из выбора.

Когда я писал сцены хаоса во время Испытания Зеркалом, я думал о нашем реальном мире. О том, как люди реагируют на кризисы. О том, как страх превращает нас в чудовищ, а надежда - в ангелов. Я видел, как в пандемию люди скупали туалетную бумагу, и в то же время врачи работали сутками, рискуя жизнью. Мы - и то, и другое. Мы - всё сразу.

И именно это, как мне кажется, делает нас достойными силы. Не то, что мы идеальны. А то, что мы можем ошибаться-

ся - и исправлять ошибки. Что мы можем падать - и вставать. Что мы можем быть жестокими - и раскаиваться. Что мы можем ненавидеть - и прощать.

Анна и Александр: любовь как доказательство

Меня часто спрашивают: почему я сделал любовную линию центральной в книге, которая могла бы быть чистой научной фантастикой? Почему я уделяю столько внимания отношениям Анны и Александра, их тоске, их разлуке, их попыткам быть вместе, когда у них есть всего час в месяц?

Ответ прост: потому что любовь - это единственное, что делает нас людьми.

Без любви мы - просто биологические машины. Или, в мире Хроники, просто информационные структуры. Мы можем быть умными, сильными, могущественными. Но без любви мы пусты.

Анна и Александр - это не просто пара. Это доказательство того, что человек может оставаться человеком в самых нечеловеческих условиях. Анна теряет сына - и продолжает любить. Александр становится Хранителем, теряя тело и почти теряя себя, - и продолжает любить. Они разлучены большую часть времени - и продолжают любить. Они сталкиваются с искушением, которое может разорвать их отношения, - и выбирают друг друга.

Их любовь порождает Эона - новую форму бытия, новое сознание, которое является прямым следствием их выбора. Это моя самая большая надежда: что любовь может созда-

вать что-то новое. Что она не просто эмоция, не просто химия, не просто социальный конструкт. Что она - фундаментальная сила вселенной. Такая же фундаментальная, как гравитация или квантовая запутанность.

О смерти и памяти

Самая трудная сцена для меня - это смерть Анны. Я знал, что она умрёт, с самого начала. Когда я писал первую книгу, я уже знал, что в конце третьей Анна закроет глаза на балконе, глядя на закат. Я не хотел этого. Я полюбил её, как любят своих персонажей - как членов семьи. И мне было больно писать эту сцену.

Но я должен был это сделать.

Потому что смерть - это часть жизни. Мы не можем быть вечными. И пытаться стать вечными, становясь богами, - это ошибка. Не потому, что вечность невозможна - она возможна в моём мире. А потому что вечность без смерти обесценивает жизнь.

Если у тебя есть бесконечное время, зачем что-то делать? Зачем любить, если ты можешь любить всегда? Зачем прощать, если у тебя есть вечность, чтобы решить, прощать или нет? Зачем выбирать, если все выборы одинаково допустимы?

Смерть придаёт жизни смысл. Она ограничивает нас - и именно в этих ограничениях мы находим свою свободу. Мы знаем, что время ограничено. Поэтому мы выбираем, что важно. Поэтому мы говорим «я люблю тебя» - потому что

завтра может не быть.

Анна понимает это. Поэтому она отказывается от бессмертия. Не из страха - из мудрости. Она знает: если она станет вечной, она перестанет быть собой. Она станет чем-то другим - может быть, более великим, но не собой.

И она выбирает остаться собой.

Что остаётся после нас

Третья книга - это также размышление о наследии. Что мы оставляем после себя? Анна оставляет строки, которые продолжают работать через тысячу лет. Она оставляет сына, который стал хранителем памяти. Она оставляет мужа, который помнит её каждую секунду. Она оставляет человечество, которое стало мудрее благодаря её примеру.

Но она также оставляет что-то более важное - пример. Пример того, что можно прожить жизнь с достоинством. Что можно ошибаться и исправлять ошибки. Что можно любить и терять - и продолжать любить. Что можно умереть - и не исчезнуть.

Когда я писал эпилог, в котором через миллион лет Инспекторы возвращаются и спрашивают: «Вы - наследники Анны Новак?» - я хотел показать, что наследие - это не то, что ты оставляешь. Это то, что другие решают взять с собой. Анна не могла заставить человечество помнить её. Но они выбрали помнить. Они выбрали продолжать её дело. Они выбрали быть её наследниками.

Это и есть истинное бессмертие. Не когда ты живёшь веч-

но. А когда твоя жизнь продолжает менять мир после твоей смерти.

Благодарности

Эта книга не появилась бы на свет без множества людей.

Спасибо моей жене, которая терпела мои бессонные ночи и бесконечные разговоры о персонажах, которых она никогда не видела. Спасибо моим читателям, которые писали мне письма, задавали вопросы и вдохновляли продолжать. Спасибо моему редактору, которая помогала мне видеть структуру, когда я тонул в деталях.

И спасибо тебе, дорогой читатель. Ты прошёл со мной через три книги. Ты видел, как Анна и Александр проходили через ад и возвращались. Ты плакал над их потерями и радовался их победам. Ты стал частью их истории. И я надеюсь, что эта история изменила тебя так же, как она изменила меня.

Если ты когда-нибудь окажешься перед выбором - силой или любовью, властью или человечностью, вечностью или смертностью, - я надеюсь, что ты вспомнишь Анну Новак. Она выбрала остаться человеком. И это был лучший выбор, который она когда-либо делала.

С теплотой и верой в лучшее,

Анатолий Шигапов

ЧАСТЬ 1: «НАСЛЕДНИКИ»

ГЛАВА 1. «НОВЫЙ МИР»

Прошло три года после возвращения «Автора» с планеты Наблюдателей. Три года мира - первого настоящего мира за всю историю человечества. Три года, в течение которых люди пытались освоить наследие, свалившееся на них, как снежная лавина.

Анна Новак стояла у окна своего кабинета в Институте Хроники и смотрела на Женеву. Город изменился за эти годы - и она помнила каждую перемену, потому что сама была их причиной.

Над озером больше не висели золотые корабли Хранителей. Они переместились на орбиту Марса, поближе к Новому Рассвету - городу, который Арес и Танатос построили для своего народа. Теперь по ночам над Женевой можно было увидеть лишь серебристые зонды - разработку Ари, систему мониторинга, которая отслеживала использование Хроники и предупреждала о возможных злоупотреблениях. Они парили бесшумно, как стрекозы, сканируя информационные потоки.

На площади перед Дворцом Наций не собирались толпы протестующих. Последний крупный митинг был полгода назад, когда группа граждан - около трёх тысяч человек - требовала расширить доступ к Хронике. Анна тогда вышла к ним лично, без охраны, и говорила почти час. Она объяснила, почему полный доступ опасен, почему нужны ограничения, почему они работают над расширением программы

«Доступ». Толпа разошлась мирно. Но Анна знала: это затишье перед бурей.

По бульвару Георга-Фавара, главной артерии женевского Сите, теперь ходили не только трамваи и автомобили. Здесь можно было увидеть людей, которые передвигались иначе - одни парили в нескольких сантиметрах над тротуаром, другие телепортировались короткими скачками. Это были «редакторы» - Авторы, использующие Хронику для личных нужд. Институт не запрещал этого - Строка 78 гарантировала свободу. Но каждый такой случай фиксировался зондами Ари, и если кто-то злоупотреблял - например, телепортировался в чужой дом, - его ждали серьёзные последствия.

Рядом с редакторами шли обычные люди. Они смотрели на парящих - кто с завистью, кто с восхищением, кто с плохо скрываемой ненавистью. Анна видела это каждый день. И каждый день это напоминало ей о проблеме, которую она не знала, как решить.

Мир стал другим. Более спокойным. Более... обычным. Но в этой обычности скрывалось напряжение, которое Анна чувствовала каждой клеткой своего существа. Как будто реальность затаила дыхание перед чем-то. Как будто что-то надвигалось.

- Ты снова не спишь, - раздался голос за спиной.

Она обернулась. В дверях стоял Матео Ривера - теперь глава научного отдела Института. За три года он постарел ещё больше: волосы стали совсем седыми, на лице прибави-

лось морщин, а под глазами залегли глубокие тени - результат бессонных ночей в лаборатории. Но глаза оставались такими же острыми, как в тот день, когда он впервые вошёл в их палату после Пробуждения.

- Не сплю, - призналась Анна. - Слишком много мыслей.

- О чём на этот раз? О Совете? О программе «Доступ»? О марсианской колонии?

- О мире. О том, как он изменился. И о том, как он не изменился.

- Это философия. Для философии сейчас слишком раннее утро. - Он протянул ей чашку кофе - чёрного, без сахара, как она любила. - Расскажи.

Она взяла чашку, сделала глоток. Кофе был обжигающе горячим - то, что нужно.

- Посмотри на цифры. За три года мы обучили пять тысяч Авторов. Мы открыли Школы на всех континентах, включая Антарктиду - там теперь работает полярная станция с курсом по изменению климата. Мы интегрировали Хранителей и Сеятелей в систему коллективной безопасности. Арес и Танатос стали нашими союзниками - не просто на бумаге, а на деле. Мы построили Новый Рассвет на орбите Марса - первый внеземной город в истории. Мы заключили мир, который казался невозможным. Мы встретились с Наблюдателями - древнейшими существами во вселенной. Мы сделали всё это за три года. Но при этом уровень неравенства вырос на сорок процентов.

- Ты говоришь о «редакторах» и «неприкасаемых».

- Да. - Анна поставила чашку и подошла к голографическому экрану, занимавшему всю стену. На нём отображалась карта мира, испещрённая точками. - Смотри. Зелёные точки - Школы Авторов. Они есть в Европе, в Северной Америке, в Восточной Азии. Они есть в Австралии. Даже в Антарктиде. Но их почти нет в Африке. Их нет в Центральной Азии. Их нет в Латинской Америке, кроме Бразилии. Мы обещали равный доступ, но на деле доступ получают те, кто уже находится в привилегированном положении.

- Мы работаем над этим. В следующем году откроются Школы в Лагосе, в Джакарте, в Лиме.

- В следующем году. А люди умирают сейчас. От болезней, которые редакторы могли бы вылечить за минуту. Голодают, пока редакторы создают деликатесы для своих питомцев. Это несправедливость. И она накапливается. Как тектоническое напряжение перед землетрясением.

Матео сел в кресло напротив, поставил свою чашку на стол.

- Ты предлагаешь открыть доступ всем? Без ограничений? Как во время Эры Чудес?

- Нет. - Анна покачала головой. - Я помню, чем закончился Образец. Люди не готовы к абсолютной свободе. Они не умеют с ней обращаться. Они начинают либо подавлять себя, либо злоупотреблять. Но они также не готовы к абсолютному неравенству. Если мы не найдём баланс, через десять лет

у нас будет гражданская война. Не между нациями - между редакторами и неприкасаемыми.

- И ты знаешь, где этот баланс?

- Нет. Именно это меня и беспокоит. Я - Автор. Я создала этот мир. Я изменила реальность. Но я не знаю, как его сохранить. Как будто я построила дом, но не знаю, как не дать ему рухнуть.

- Может быть, ты слишком многого от себя требуешь?

- Может быть. Но я не могу иначе.

Разговор с Матео не выходил у Анны из головы весь день. Она провела несколько часов, изучая отчёты, которые приносили помощники каждые полчаса: экономические показатели, социальные опросы, статистику использования Хроники. Цифры подтверждали её опасения.

Мир разделился на три лагеря. Не формально - никто не проводил границ и не ставил штампов в паспорта. Но фактически разрыв был глубже, чем любой государственный рубеж.

«Редакторы». Те, кто умел работать с Хроникой. Авторы, прошедшие обучение в Школах. Пять тысяч человек - капля в море из семи миллиардов. Но эта капля обладала силой, сравнимой с силой богов. Они лечили болезни, которые считались неизлечимыми: рак, Альцгеймера, Паркинсона. Они создавали ресурсы из ничего - воду в пустынях, пищу в голодающих регионах, энергию в отдалённых посёлках. Они строили здания, которые меняли форму по желанию жиль-

цов. Они очищали океаны от пластика за считанные дни. Их уважали. Им завидовали. Их боялись.

Проблема была в том, что редакторы начинали осознавать свою силу. Некоторые из них - пока немногие, но их число росло - считали, что раз они могут редактировать реальность, они имеют на это право. Что ограничения, наложенные Институтом, - это оковы, сдерживающие прогресс. Что Анна Новак, создавшая строки 78-84, сама стала тормозом. «Она сделала своё дело, - говорили они в закрытых чатах, в подпольных форумах, куда у Анны не было доступа. - Теперь она должна уйти и дать дорогу молодым».

«Неприкасаемые». Те, кто не имел доступа к Хронике. Большинство человечества. Семь миллиардов человек. Они жили обычной жизнью - работали на фабриках, в офисах, на полях, растили детей, смотрели новости. Они пользовались благами, созданными редакторами, но не могли создавать их сами. И это порождало ресентимент - медленный, глубинный, опасный.

В богатых странах это проявлялось в форме зависти. «Почему он может, а я нет? - спрашивали люди. - Я плачу налоги, я соблюдаю законы, я работаю не меньше. Почему я должен стоять в очереди к врачу, когда какой-то редактор может исцелить меня за секунду? Почему я должен покупать еду в супермаркете, когда редактор создаёт её из воздуха?»

В бедных странах это проявлялось в форме отчаяния. Там не было Школ. Там не было зондов Ари. Там Хроника была

чем-то далёким, почти мифическим - как звезда, до которой не дотянуться. Люди там умирали от малярии, от холеры, от голода - болезней, которые редакторы могли бы уничтожить за несколько дней. Но никто не спешил к ним на помощь. Редакторы предпочитали работать там, где комфортно - в Женеве, в Нью-Йорке, в Токио. В Африку ехали единицы - энтузиасты, идеалисты. Их было слишком мало.

«Отказники». Те, кто принципиально отвергал Хронику. Религиозные группы, считавшие её дьявольским искушением, нарушающим божественный порядок. «Только Бог может творить чудеса, - говорили их проповедники. - А эти чудеса - от лукавого». Политические радикалы, называвшие Хронику инструментом порабощения. «Нам не нужны благодетели, - кричали они на митингах. - Нам нужна свобода! Настоящая, а не та, которую нам дарят!» Обычные люди, которые просто боялись перемен, боялись того, чего не понимали.

Их было меньше, чем неприкасаемых, но они были громче. Они устраивали демонстрации - пока мирные, но с каждым месяцем всё более агрессивные. Они писали петиции, требуя запретить использование Хроники. Они взламывали информационные сети Института и публиковали компрометирующие материалы - часто поддельные, но иногда и настоящие. Анна читала эти публикации с тяжёлым сердцем: в них было достаточно правды, чтобы ложь казалась убедительной.

Они называли Анну «диктатором», «лжепророком», «антихристом». Пока только словами. Но Анна знала: слова - это первый шаг. За ними последуют действия.

Совет собрался в полдень в Большом зале Дворца Наций. Двенадцать представителей - по одному от каждой страны, над которой когда-то висели корабли Хранителей. Хранители присутствовали через голографическую связь - трое золотых фигур, парящих в воздухе. Арес и Танатос были здесь лично - их серебряные формы мерцали в углу зала, отбрасывая причудливые тени на стены. Мари и Хидэо сидели рядом. Ари расположился у пульта с проектором. Соколов, недавно вернувшийся с Марса, занял место у двери. Сибил, которой было уже за восемьдесят, сидела в первом ряду с неизменной тростью. Матео занял место рядом с Анной.

- Мы сидим на пороховой бочке, - сказала Анна, начиная заседание. - И я не знаю, как долго она продержится.

Она вывела на экран данные. Графики, диаграммы, таблицы. Рост неравенства. Рост социальной напряжённости. Рост числа инцидентов с использованием Хроники. Всё это складывалось в безрадостную картину.

- Вы преувеличиваете, - возразил представитель США, сенатор Митчелл. - Экономика растёт. Уровень жизни повышается. Люди видят пользу от Хроники. Да, есть недовольные, но они всегда были и всегда будут.

- Люди видят пользу для других, - ответила Анна. - Не для себя. И это порождает зависть. А зависть порождает нена-

висть. А ненависть порождает насилие. Я не преувеличиваю. Я анализирую.

- Что вы предлагаете? - спросила представительница Франции, мадам Дюбуа.

- Расширить программу «Доступ». Открыть больше Школ. Обучать больше Авторов. Не пять тысяч в год. Пятьдесят тысяч. Пятьсот тысяч. Мы должны сделать Хронику доступной для всех, кто хочет и может её использовать. Мы должны демократизировать чудо.

- Это опасно, - возразил представитель Китая, господин Чжоу. - Чем больше людей имеет доступ к Хронике, тем выше риск злоупотреблений. Вы сами говорили об этом после Образца. Вы сами предупреждали об опасности.

- Знаю. Но риск неравенства ещё выше. - Анна переключила слайд. - По нашим прогнозам, если ничего не менять, через пять лет количество инцидентов с использованием Хроники вырастет в десять раз. Но не из-за злоупотреблений редакторов. Из-за отчаяния неприкасаемых. Люди, которым нечего терять, пойдут на всё. Они будут атаковать Школы, терминалы, редакторов. Начнётся гражданская война. И эта война будет страшнее любой мировой войны. Потому что в ней будет использоваться Хроника. Строки могут не выдерживать.

- Вы предлагаете рискнуть стабильностью ради равенства? - спросил Митчелл.

- Я предлагаю рискнуть сейчас, чтобы избежать катастро-

фы потом.

Совет обсуждал это несколько часов. Спорили, кричали, приводили аргументы. Матео представил данные о росте социальной напряжённости - цифры были неумолимы. Ари показал компьютерную модель: если ничего не менять, через пять лет количество инцидентов вырастет в десять раз, через десять - в сто. Сибил, которая редко выступала, поднялась с тростью и тихо сказала:

- История учит, что неравенство всегда приводит к революции. Всегда. Без исключений. Римская империя. Французская революция. Русская революция. Все они начались не когда люди были бедны - они всегда были бедны. Они начались, когда люди увидели, что кто-то живёт лучше, и поняли, что это несправедливо. Сейчас люди видят редакторов. Они видят богов среди смертных. И это не может продолжаться долго.

В конце концов компромисс был достигнут: программа «Доступ» будет расширена, но с дополнительными мерами безопасности. Каждый новый Автор должен будет пройти усиленную психологическую проверку. Каждое использование Хроники будет отслеживаться зондами Ари. Нарушители будут лишаться доступа - не навсегда, но надолго.

- Это шаг в правильном направлении, - сказала Анна после заседания. - Но недостаточный.

- Лучшее - враг хорошего, - ответил Матео.

- Знаю. Но я не могу перестать думать о том, что будет

через десять лет. Через двадцать. Через сто. Я создала этот мир. Я изменила реальность. И теперь я чувствую ответственность за каждую трещину в ней.

- Ты не можешь нести ответственность за всё. Ты - человек. Не Бог.

- Я знаю. Но иногда мне кажется, что люди забывают об этом. Они смотрят на меня и видят Автора. Спасительницу. Они забывают, что я тоже ошибаюсь. Что я тоже устаю. Что я тоже боюсь.

Вечером Анна вернулась в свою квартиру. Она всё ещё жила в том же доме, что и тридцать лет назад - небольшой квартире с видом на озеро и балконом, который стал свидетелем стольких событий. Она могла бы переехать в более просторное жильё - Институт предлагал ей резиденцию в новом здании, с садом и бассейном. Но она отказалась. «Я слишком стара для перемен», - сказала она. На самом деле она просто не хотела терять место, где всё ещё чувствовала присутствие Александра.

Александр ждал её - вернее, его проекция. Их связь изменилась после его трансформации три года назад. Он больше не был физическим существом. Он был Хранителем - разумом, вплетённым в ткань реальности, одним из стражей строк, вместе с Мишей, Эриком, Орионом и Протоколом. Он мог материализоваться, но это требовало огромной энергии. Раз в тридцать три дня - на один час. Шестьдесят минут. Три тысячи шестьсот секунд. Анна считала их. Каждый раз.

В обычные дни они общались через Хронику - через сны, через видения, через образы. Иногда он появлялся как голос в её голове. Иногда - как серебристый силуэт. Иногда она просто чувствовала его присутствие - тепло где-то на границе сознания.

Сегодня он появился в виде голограммы - серебристого силуэта, сидящего в кресле у окна. Свет от него был мягким, почти лунным. Анна иногда шутила, что он стал похож на призрак. Он не смеялся в ответ.

- Ты выглядишь уставшей, - сказал он. Его голос звучал как обычно - низкий, спокойный, - но в нём было что-то далёкое. Как будто он говорил из другого мира. Что, впрочем, было правдой.

- Я устала. Совет. Споры. Цифры. Недовольство. Я чувствую себя капитаном корабля, который дал течь в десяти местах одновременно. Я латаю одну пробоину, а открываются две новые.

- Расскажи.

Она рассказала. О неравенстве. О «редакторах» и «неприкасаемых». Об «отказниках». О страхе, который она чувствовала каждый день. О том, что мир, который они построили, казался ей хрупким, как карточный домик. О том, что люди ждали от неё невозможного.

- Ты делаешь всё, что можешь, - сказал Александр.

- Этого недостаточно.

- Достаточно. Ты не можешь решить все проблемы мира.

Ты - человек. Не Бог. Не Хранитель. Человек. И в этом твоя сила.

- Знаю. Но иногда мне кажется, что люди забывают об этом. Они смотрят на меня и видят Автора. Спасительницу. Они забывают, что я тоже ошибаюсь. Что я тоже устаю. Что я тоже боюсь. Они ждут, что я решу все проблемы. А я не могу.

- Ты - Анна Новак. Для меня этого всегда было достаточно. И для них - тоже. Даже если они не всегда это понимают.

Она подошла к голограмме. Протянула руку - пальцы прошли сквозь серебристый свет, не встретив сопротивления. Её ладонь окрасилась серебром на мгновение, потом свет снова стал прежним.

- Я скучаю по тебе. По-настоящему тебе. По твоему теплу. По твоему голосу - не в голове, а ушами. По твоим рукам. По тому, как ты хмуришься, читая отчёты. По тому, как ты улыбаешься - редко, но метко.

- Я здесь. Просто в другой форме.

- Знаю. Но я хочу прикоснуться к тебе. Почувствовать твоё тепло. Услышать твой голос не в голове, а ушами. Увидеть, как ты пьёшь кофе. Я скучаю поэтому.

- Потерпи. Ещё двадцать восемь дней, и я смогу материализоваться. Целый час. Шестьдесят минут. Три тысячи шестьсот секунд.

- Целый час. - Она горько усмехнулась. - Раз в тридцать три дня. Это так мало. Это даже не один день в месяц. Это

одна сорок восьмая часть суток.

- Это больше, чем ничего. Раньше у нас не было и этого. Помнишь, когда я только стал Хранителем? Мы думали, что вообще не сможем видаться.

- Помню. Я плакала три дня.

- А потом мы нашли способ. Час в месяц. Это было чудо.

- Чудо, - повторила она. - Ты прав. Я неблагодарная.

- Ты не неблагодарная. Ты просто хочешь больше. Это естественно.

- Я хочу, чтобы ты был рядом всегда. Чтобы ты старел вместе со мной. Чтобы мы вместе смотрели, как растут наши внуки.

- У нас нет внуков.

- Пока нет. Но могли бы быть. Если бы у нас были дети. Если бы мы не были так заняты спасением мира.

Он помолчал. Его серебристая форма колыхнулась.

- Ты жалеешь? О моём выборе? О том, что я стал Хранителем?

- Нет. Никогда. Ты сделал то, что должен был. Ты спас реальность. Ты стал тем, кем должен был стать. Это был твой выбор. И я уважаю его. Я горжусь тобой. Но это не значит, что мне не больно.

- Мне тоже больно. Каждый день. Я вижу тебя - там, в реальности. Вижу, как ты работаешь, как устаёшь, как борешься. И я не могу помочь. Не могу прикоснуться. Не могу сказать: «Я рядом». Только во снах. Только раз в месяц.

- Это наша жизнь.

- Да. И я благодарен за неё. За каждый час. За каждую секунду.

- Я тоже.

Ночью Anne приснился сон. Один из тех снов, которые были больше, чем просто сны - которые были мостом между ней и Александром, между реальностью и Хроникой.

Она стояла в Зале Хроник. Колонны света кружились в медленном, величественном танце. Саркофаг в центре был открыт и излучал золотой свет - тот самый, который она помнила с самой первой экспедиции в Город. В воздухе пахло озоном и чем-то ещё - чем-то, что она не могла назвать, но что всегда ассоциировала с домом.

И перед ней стоял Александр. Не голограмма. Не проекция. Не серебристый силуэт. Настоящий. Его лицо было молодым - таким, каким она запомнила его в день их первой встречи в штабе «Ориона». Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и шрамом через левую бровь. Он улыбался - той самой редкой улыбкой, которую она так любила.

- Анна.

- Александр? Это ты? По-настоящему?

- Я всегда с тобой. Даже когда ты не видишь меня. Даже когда я - просто свет.

- Но здесь... здесь ты настоящий. Я чувствую тебя.

- Здесь - да. В Хронике я могу быть собой. Могу прикоснуться к тебе. Могу обнять тебя. Могу быть тем, кем был до

трансформации. Это мой дар тебе.

Он протянул руку. Она взяла её. Его ладонь была тёплой. Настоящей. Пальцы - грубыми, солдатскими. Она чувствовала мозоли, которые помнила наизусть.

- Почему только здесь? Почему не в реальном мире?

- Потому что в реальном мире я - часть системы. Хранитель. Я вплетён в ткань реальности. Я не могу покинуть Хронику надолго - это разрушит меня. Но здесь, в глубине, в мире снов, мы можем быть вместе. Хотя бы на несколько часов.

- Это несправедливо.

- Да. Но это наш выбор. Я выбрал это - тогда, три года назад. Ты согласилась. Мы оба знали, на что идём. Мы знали цену.

- Я не жалею. Ни секунды. Но я скучаю. Каждый день. Каждую ночь.

- Я тоже. Я вижу тебя - там, в реальности. Вижу, как ты работаешь, как устаёшь, как борешься. И я не могу помочь. Не могу прикоснуться. Не могу сказать: «Я рядом». Только во снах.

Они стояли в Зале, держась за руки. Колонны света кружились вокруг них, создавая иллюзию вечности. Время потеряло смысл - здесь, в Хронике, оно всегда текло иначе.

- Что будет дальше? - спросила Анна.

- Дальше - жизнь. Трудная, несовершенная, но настоящая. Мы будем продолжать. Ты - на Земле. Я - в Хронике. Мы будем встречаться во снах - каждую ночь, если захочешь. А раз

в месяц я смогу быть с тобой физически. Один час. Шестьдесят минут. Это немного. Но это наша жизнь.

- Я хочу больше.

- Я тоже. Но мы должны принимать то, что есть. И использовать это по максимуму.

Она прижалась к нему. Его руки обняли её - крепко, тепло, по-настоящему. Она чувствовала его сердцебиение - или то, что было его аналогом в Хронике.

- Я люблю тебя, Александр Волков.

- Я знаю. И я тебя. Всегда любил. Всегда буду.

Она проснулась на рассвете. Подушка была мокрой от слёз. Но она улыбалась. Потому что он был рядом. Не физически - но она всё ещё чувствовала тепло его объятий. И этого было достаточно.

Почти.

Утром Анна отправилась в Школу Авторов - ту самую, которую она открыла три года назад. Сегодня был выпускной. Очередная группа студентов - пятьдесят человек со всего мира - завершала обучение и получала сертификаты Авторов.

Анна любила эти церемонии. Они напоминали ей, ради чего всё это. Ради молодых лиц, полных надежды. Ради горящих глаз. Ради будущего.

Школа располагалась в бывшем крыле Дворца Наций - просторные залы, залитые светом, с видом на озеро. Студенты сидели в амфитеатре, их семьи и друзья заняли галерею.

Анна поднялась на сцену и оглядела зал.

- Тридцать три года назад я была профессором лингвистики в Торонто. Я читала лекции пустому залу и пряталась от мира. Я не искала приключений. Не хотела быть героем. Но реальность - или судьба, или случай - распорядилась иначе. Меня позвали - и я ответила. Сегодня я смотрю на вас и вижу то же, что когда-то увидел во мне Отец. Потенциал. Надежду. Будущее. Вы - новое поколение Авторов. Вы будете писать строки, которые изменяют реальность. Вы будете защищать свободу, эмпатию и любовь. Вы будете ошибаться - и исправлять ошибки. Вы будете падать - и вставать. Это трудно. Это больно. Это требует жертв. Но это стоит того. Потому что нет ничего важнее, чем быть человеком. Настоящим. Живым. Свободным.

Она сделала паузу.

- Меня часто спрашивают: в чём секрет? Как вы прошли через всё это? Через Город, через Суд, через Эхо, через Инквизиторов, через Сеятелей? И я отвечаю: у меня не было выбора. Не потому, что меня заставили. А потому что я сама выбрала. Я выбрала бороться. Я выбрала любить. Я выбрала верить. И сегодня я прошу вас сделать тот же выбор. Не ждите, пока вас позовут. Сами решайте, за что бороться. Сами решайте, кого любить. Сами решайте, во что верить. Это и есть свобода. Поздравляю вас.

Зал взорвался аплодисментами. Анна спустилась со сцены. К ней подошла молодая женщина - одна из выпускниц.

Её глаза сияли.

- Доктор Новак, можно вопрос?

- Конечно.

- Вы сказали, что мы будем ошибаться. А вы? Вы всё ещё ошибаетесь?

Анна улыбнулась.

- Каждый день. В этом и есть секрет. Не переставать ошибаться - переставать бояться ошибок. Ошибка - это не провал. Это урок. Если ты учишься, ты растёшь. Если ты растёшь, ты живёшь. Если ты живёшь - ты человек. Просто человек. И это прекрасно.

Вечером Анна сидела в своём кабинете. На столе лежал маленький золотой ключ - ключ Отца. Она всё ещё не открыла его. Тридцать три года прошло с тех пор, как Отец дал ей этот ключ перед тем, как уйти на покой. Тридцать три года она носила его в кармане, чувствовала его тепло, но не открывала дверь.

Она взяла ключ в руку. Он был тёплым - как всегда. Как будто внутри него горел маленький огонь.

- Когда-нибудь, - прошептала она. - Когда-нибудь я узнаю, что за этой дверью. Но не сейчас. Сейчас у меня есть работа. Сейчас у меня есть мир, который нужно сохранить.

В дверь постучали. Вошёл Ари. Его лицо было бледным, глаза - встревоженными.

- Анна, у нас проблема. Обсерватория в Чили. Они зафиксировали сигнал.

- Что за сигнал?

- Необычный. Очень мощный. Он идёт из центра Галактики. Это не радиоволны, не свет. Это «информационный импульс» - он читается только через Хронику. Я никогда не видел ничего подобного.

- Что он говорит?

- Он... он на языке творения. И он адресован тебе. Лично.

Анна почувствовала, как холод пробежал по спине. Она убрала ключ в карман и встала.

- Показывай.

ГЛАВА 2. «СИГНАЛ»

Обсерватория «Параналь» располагалась высоко в чилийских Андах, на высоте две тысячи шестьсот метров над уровнем моря. Здесь, в разреженном воздухе пустыни Атакама, вдали от городских огней, небо было идеально чёрным, а звёзды - яркими, как нигде на Земле. Именно здесь, на этой высоте, где воздух был так тонок, что каждый вдох давался с усилием, человечество построило свой самый мощный оптический телескоп. И именно здесь, три часа назад, был зафиксирован сигнал.

Анна Новак прибыла на «Параналь» ранним утром. Соколов пилотировал скоростной челнок лично - он настоял, узнав о сигнале. «Я не позволю вам лететь одной через полмира, когда такое творится», - сказал он. Анна не спорила. Она знала, что Соколов до сих пор чувствует вину за своё

предательство три года назад - то, которое он совершил, будучи агентом Совета Директоров «Ориона». Каждый полёт был для него искуплением.

Они приземлились на небольшой площадке рядом с главным куполом обсерватории. Ветер на высоте был пронизывающим, несмотря на тёплое время года. Анна плотнее закуталась в куртку и направилась к входу. Доктор Рамирес, директор обсерватории, ждал её у дверей.

Это был пожилой астроном с обветренным лицом, седыми усами и глазами, которые видели слишком много за долгую карьеру. Он говорил по-английски с сильным испанским акцентом, и его голос дрожал - не от страха, а от волнения. Анна видела такое раньше: так дрожали голоса людей, которые стали свидетелями чего-то невероятного и ещё не до конца осознали масштаб увиденного.

- Доктор Новак, спасибо, что прилетели так быстро, - сказал он, пожимая ей руку. - Я не знал, к кому ещё обратиться. Мы позвонили в Женеву, но...

- Вы всё сделали правильно. Показывайте.

Они прошли через главный вестибюль - просторное помещение, увешанное фотографиями звёзд и галактик. Здесь было тихо, только гудели серверы за стеной. Большинство сотрудников ещё не знали о сигнале - Рамирес решил не поднимать панику до прибытия Анны.

- Мы зафиксировали его три часа назад, - сказал он, ведя её по коридору. - Сначала мы подумали, что это гам-

ма-всплеск. Или пульсар. Или какой-то новый тип квазара. Но спектрограмма не совпадала ни с одним известным паттерном. Мы проверили все базы данных - ничего. Тогда я позвонил в Женеву. И доктор Ари сказал подключить Хронику.

- Ари уже здесь?

- Прилетел час назад. Он работает в главном зале.

Они вошли в зал управления - просторное помещение, уставленное мониторами и серверами. Здесь было холодно - системы охлаждения работали на полную мощность. В воздухе пахло озоном. Ари сидел за главным терминалом, его пальцы летали по клавишам с неестественной скоростью. Вокруг него толпились астрономы - молодые и старые, местные и приезжие, - наблюдавшие за его работой с благоговением. Некоторые что-то записывали, другие просто смотрели, раскрыв рты.

- Анна, - сказал Ари, не оборачиваясь. - Хорошо, что ты здесь. Я расшифровал ещё часть сигнала. Это... это невероятно.

- Что именно?

- Это не природное явление. Это искусственный сигнал. Очень древний. Очень мощный. И он... живой.

- Живой? - Анна подошла ближе и встала за его плечом, глядя на экран.

- Он меняется. Адаптируется. Как будто знает, что мы его слушаем. Когда мы впервые подключили Хронику, сигнал

был простым - просто последовательность импульсов, похожая на азбуку Морзе. Но чем дольше мы слушаем, тем сложнее он становится. Как будто он... учится. Подстраивается под нас. Он чувствует, что мы пытаемся его расшифровать, и идёт навстречу.

- Такое возможно?

- Теоретически - да. Если сигнал несёт в себе элементы искусственного интеллекта. Если он был создан, чтобы адаптироваться к получателю. Это технология, которую мы даже не можем представить.

- И он адресован нам? Человечеству?

- Нет. - Ари наконец повернулся к ней. Его лицо было бледным. - Он адресован тебе. Лично. Смотри.

Он вывел на главный экран спектрограмму. Анна смотрела на неё - и её дар, её способность видеть структуру языка как архитектуру, начал работать. Это было похоже на чтение - но не слов, а зданий. Линии на экране складывались в символы. Символы - в слова. Слова - в предложения. Предложения - в смысл. Смысл - в приговор.

«Инспекция. Прибытие: 33 дня. Объект: Хроника Земли. Основание: Несанкционированная передача прав. Протокол: Оценка. Исход: Продление/Отзыв».

Анна перечитала сообщение трижды. Каждый раз смысл оставался одним и тем же, но детали проступали всё чётче. Это был не просто текст. Это была... декларация. Официальное уведомление. Как повестка в суд - только суд был кос-

мическим, а приговор мог означать конец всего.

- Инспекция, - прошептала она. - Кто-то собирается инспектировать нас. Оценивать. Как аудиторы. Как ревизоры, которые проверяют бухгалтерию, только объект проверки - не финансы, а сама реальность.

- Не кто-то, - поправил Ари. - Инспекторы. Те, кто выше Создателей. Те, кто выше Хранителей. Те, кто выше Инквизиторов. Те, кто наблюдал за ними - и теперь наблюдает за нами. Я читал о них в архивах Хранителей. Они - древнейшая раса. Они старше всех, кого мы знаем. Возможно, старше Наблюдателей. Они создали сеть Хроник - не одну, а множество, разбросанных по всей галактике и, возможно, за её пределами. Их задача - следить, чтобы цивилизации не злоупотребляли этой силой.

Анна вспомнила. Хранители рассказывали о них - вскользь, неохотно, когда она спрашивала, кто может быть выше их. «Инспекторы, - сказали они тогда. - Но они не вмешиваются. Они только наблюдают. Они - как судьи, которые никогда не выносят приговор, потому что никто ещё не нарушал правил». Теперь она понимала, почему Хранители говорили об этом так неохотно. Они знали, что передача Хроники людям может привлечь внимание Инспекторов. И они рискнули.

- Они считают, что мы получили Хронику незаконно, - сказала Анна. - Что Хранители не имели права передавать её нам. Что мы - не наследники, а узурпаторы. Что мы - дети,

которым дали ключи от ядерного чемодана.

- Именно так, - подтвердил Ари. - И теперь они летят сюда, чтобы оценить нас. И либо продлить наши права - признать передачу законной, поставить свою печать, - либо отозвать их.

- Отозвать - что это значит? Отобрать Хронику? Забрать её обратно?

Ари помолчал. Его пальцы замерли над клавишами. В зале вдруг стало очень тихо - даже астрономы, стоявшие вокруг, затаили дыхание. Анна видела, как его лицо побледнело ещё сильнее.

- Я не хотел показывать это сразу, - сказал он. - Думал, может быть, я ошибаюсь. Может быть, неправильно расшифровал. Но я перепроверил трижды. Четырежды. Пять раз. Ошибки нет.

- Показывай.

Он вывел на экран ещё один фрагмент - часть того же сообщения. И Анна прочитала:

«В случае отзыва Хроника будет возвращена в исходное состояние. Цивилизация-получатель будет возвращена в до-коррекционное состояние. Строки 78-84 будут аннулированы. Память о Хронике будет стёрта. Все изменения, внесённые Автором, будут отменены. Все сознания, интегрированные в Хронику, будут удалены. Процесс необратим».

- Докоррекционное состояние, - прочитала Анна. Её голос был тихим, почти шёпотом. - Это значит...

- Это значит, что нас вернут в эпоху до появления людей, - закончил Ари. - На двести миллионов лет назад. Всё, что мы построили, всё, что мы создали, всё, что мы любили - исчезнет. Как будто нас никогда не было. Как будто мы никогда не жили. Как будто мы никогда не любили. Как будто всё это - просто сон, который рассеется на рассвете.

- А Миша? Александр? Орион? Эрик? Протокол? - Голос Анны дрогнул. - Они... они интегрированы в Хронику. Если Хроника будет возвращена в исходное состояние...

- Они будут удалены. - Ари опустил глаза. Он не мог смотреть на неё. - Я проверял. Я перепроверял. Я надеялся, что ошибаюсь. Но формулировка однозначна. «Все сознания, интегрированные в Хронику, будут удалены». Без исключений. Без возможности восстановления. Это не смерть. Это... аннигиляция. Полное, абсолютное, необратимое уничтожение.

В зале повисла тишина - такая глубокая, что Анна слышала, как гудят серверы и как бьётся её собственное сердце. Она думала о Мише - её сыне, который умер двадцать лет назад и возродился в Хронике благодаря её любви. Об Александре - её муже, который стал Хранителем, чтобы защищать реальность. Об Орионе - древнем Сеятеле, который пожертвовал собой ради искупления. Об Эрике - инженере, который первым стал частью системы. О Протоколе - бывшем оружии, ставшем защитником.

Все они - все, кого она любила, все, кто пожертвовал со-

бой, - будут стёрты. Окончательно. Бесповоротно. Как будто их никогда не существовало.

- Тридцать три дня, - сказала она наконец. Её голос дрожал, но она взяла себя в руки. Она не имела права на слабость. - У нас есть месяц. Тридцать три дня, чтобы доказать, что мы достойны.

- Меньше, - поправил Ари. - Сигнал был отправлен не сейчас. Он был отправлен давно. Очень давно. Мы не знаем точно, сколько времени прошло с момента отправки. Может быть, сотни лет. Может быть, тысячи. Может быть, миллионы. Инспектор мог быть уже в пути, когда мы только начинали осваивать Хронику. Он может прибыть раньше, чем через тридцать три дня.

- Насколько раньше?

- Я не знаю. Может быть, на несколько дней. Может быть, на несколько часов. Может быть, он уже здесь - и просто ждёт. Наблюдает. Оценивает.

Анна закрыла глаза. Она думала о том, что нужно делать. Нужно собрать Совет. Нужно связаться с Хранителями - пусть объяснят, почему они скрыли правду. Нужно поговорить с Александром. Нужно подготовиться. Нужно найти способ.

- Мы должны вернуться в Женеву, - сказала она. - Немедленно. Ари, возьми все данные. Полную расшифровку. Каждую деталь. Мы будем анализировать в штабе.

- Уже, - ответил Ари. - Я скопировал всё на защищённый

носитель.

- Тогда летим.

Соколов ждал их на посадочной площадке. Когда Анна и Ари поднялись на борт, он не стал задавать вопросов. Он видел их лица - бледные, напряжённые, полные тревоги.

- В Женеву? - только спросил он.

- Да. Как можно быстрее. На полной скорости.

- Будет сделано.

Челнок взмыл в небо, оставляя позади обсерваторию и заснеженные пики Анд. Анна сидела в пассажирском кресле, глядя в иллюминатор. Внизу проплывали облака, горы, океан. Она думала о том, как странно всё складывается. Ещё вчера она беспокоилась о неравенстве, о «редакторах» и «неприкасаемых», о программе «Доступ». Теперь все эти проблемы казались мелкими. Неважными. Если Инспектор отзовёт Хронику, не будет ни редакторов, ни неприкасаемых. Не будет никого.

- Ты в порядке? - спросил Ари. Он сидел напротив, с планшетом на коленях. Его пальцы всё ещё бегали по экрану - он продолжал анализировать сигнал даже в полёте.

- Нет. Но я функционирую. Я делаю, что должна. Это всё, что я могу сейчас.

- Это уже много.

- Расскажи мне об Инспекторах. Всё, что знаешь. Каждую деталь.

Ари вздохнул и отложил планшет.

- Я читал о них в архивах Хранителей. Это было давно, ещё до того, как они открыли нам полный доступ. После Суда, но до примирения с Сеятелями. Хранители упоминали их вскользь - как легенду, как миф. Но теперь я понимаю, что это был не миф. Это была реальность, которую они надеялись никогда не встретить.

- Что именно они говорили?

- Инспекторы - это древнейшая известная раса. Они старше Хранителей, старше Сеятелей, старше Инквизиторов. Возможно, старше самих Наблюдателей - тех, кого мы встретили на красной планете. Они существовали, когда вселенная была молодой. Они видели рождение первых звёзд, формирование первых галактик. Они - свидетели всего.

- Чего они хотят?

- Стабильности. Порядка. Они создали сеть Хроник - не одну, а множество, разбросанных по всей галактике и, возможно, за её пределами. Каждая Хроника - это инструмент, который позволяет цивилизации редактировать реальность. Но также это маяк. Сигнальное устройство, которое сообщает Инспекторам: здесь есть разумная жизнь.

- Хранители создали свою Хронику. Или нашли её. И Инспекторы знали о них.

- Да. Хранители получили Хронику, прошли оценку и были признаны достойными. Но потом они нарушили правила. Они начали использовать Хронику для вмешательства в дела других миров. Для создания новых цивилизаций. Для Суда.

Это называется Принцип Недеяния - и Хранители нарушили его многократно.

- Почему Инспекторы не вмешались?

- Потому что они - наблюдатели. Они не судьи. Они просто следят. Но когда Хранители передали Хронику нам - цивилизации, которая не проходила оценку, - они нарушили фундаментальный протокол. И теперь Инспекторы должны вмешаться. Не чтобы наказать. Чтобы оценить.

- Оценить нас. Решить, достойны ли мы.

- Да. И если они решат, что нет... - Ари не закончил. Он не хотел произносить это вслух.

- Мы вернёмся в докоррекционное состояние, - закончила Анна. - На двести миллионов лет назад. Как будто нас никогда не было.

- Да.

Анна замолчала. Челнок летел над Атлантикой. Внизу, под облаками, была Европа - цивилизация, города, миллиарды людей. Всё это могло исчезнуть через месяц.

- Мы должны рассказать Совету, - сказала она. - И Хранителям. Пусть объяснят, почему они скрыли правду. Пусть ответят за свой риск.

- Они скажут, что надеялись на лучшее.

- Надежда - это не стратегия. Это оправдание.

В штабе Института Хроники в Женеве уже собралась вся команда. Анна и Ари прибыли через несколько часов после вылета из Чили. Соколов посадил челнок на крышу здания

- это было запрещено, но никто не стал спорить.

В командном центре их ждали. Александр присутствовал в виде голограммы - серебристый силуэт, мерцающий в углу зала. Матео, Ари, Мари, Хидэо, Соколов, Сибил - все были здесь. Даже Арес и Танатос подключились через канал связи с Марса - их серебряные формы, уменьшенные до человеческого роста, парили над столом.

- Хранители знали об Инспекторах, - сказала Анна, когда все расселись. - Они не сказали нам. Они скрывали это с самого начала. Они надеялись, что передача Хроники пройдет незаметно. Но они ошиблись.

«Мы не ошибались, - раздался голос. Хранитель, тот самый, с которым Анна говорила во время Суда, появился в виде золотой проекции в центре зала. - Мы знали, что Инспекторы узнают. Мы знали это с самого начала. Мы надеялись, что у нас будет больше времени. Тысяча лет. Может быть, десять тысяч. Достаточно, чтобы человечество освоило Хронику и доказало, что достойно её. Но Инспекторы отреагировали быстрее, чем мы ожидали. Гораздо быстрее».

- Почему вы не сказали нам? - спросила Анна. В её голосе звучал гнев - холодный, контролируемый, но гнев. - Мы доверяли вам. Мы заключили с вами мир. Мы считали вас союзниками. Мы вместе прошли через Суд, через войну с Сеятелями, через всё. И всё это время вы скрывали от нас правду.

«Потому что мы боялись. Если бы вы знали, что Инспек-

торы могут прийти в любой момент, вы бы действовали иначе. Вы бы готовились к войне, а не к миру. Вы бы не заключили союз с Сеятелями - вы бы уничтожили их. Вы бы не встретились с Наблюдателями - вы бы спрятались от них. Вы бы жили в страхе. А страх - это то, что погубило нас. Страх перед Инспекторами заставил нас лгать, манипулировать, скрывать. Страх превратил нас в тех, кем мы стали. Мы не хотели, чтобы он погубил вас».

- И что теперь? - спросил Александр. Его голограмма колыхнулась. - Как нам подготовиться к визиту Инспектора? Какие у них критерии? Что они будут оценивать? Как они принимают решение?

«Мы не знаем точно. Инспекторы никогда не раскрывают свои критерии. Они просто... смотрят. Наблюдают. Оценивают. Мы знаем только, что они ценят стабильность - способность цивилизации существовать, не разрушая себя. Они ценят ответственность - готовность ограничивать себя, не злоупотреблять силой. Они ценят уважение к Принципу Недеяния - отказ от вмешательства в дела других миров. Если вы покажете, что используете Хронику мудро - не для агрессии, не для порабощения, а для созидания, - у вас будет шанс».

- Шанс? - переспросила Мари. - Не гарантия?

«Гарантий нет. Инспекторы непредсказуемы. Они могут решить, что вы достойны, даже если вы нарушили какие-то формальности. Или могут решить, что вы недостойны, даже если вы всё делали правильно. Мы не знаем. Мы никогда не

понимали их до конца. Никто не понимает».

- Значит, мы должны просто... быть собой? - спросила Анна. - Показать им, кто мы?

«Да. Это ваш единственный шанс. Не пытайтесь обмануть их. Не пытайтесь казаться лучше, чем вы есть. Они видят всё. Они знают всё. Будьте собой. Со всеми недостатками. Со всеми ошибками. Со всей своей человечностью. Это то, что впечатлило нас когда-то. Может быть, это впечатление и их».

В зале повисла тишина. Анна думала о том, что сказал Хранитель. «Будьте собой». Это звучало просто. Но она знала, что это самое трудное.

- Хорошо, - сказала она. - Мы будем готовиться. Не к войне. К демонстрации. Мы покажем Инспектору, кто мы такие. Через тридцать три дня.

- Если он не прибудет раньше, - добавил Ари.

- Если он прибудет раньше, мы встретим его раньше.

После совещания Анна поднялась на свой балкон. Была уже ночь - глубокая, звёздная. Луна-2 висела в небе, как серебряный страж. Где-то там, в центре Галактики, где звёзды были так плотно сбиты, что ночь никогда не наступала, Инспектор уже был в пути. Может быть, он уже достиг окраин Солнечной системы. Может быть, он уже наблюдал за ними.

Александр появился рядом - голограмма, серебристый силуэт. Он не мог быть здесь физически, но его присутствие всё равно успокаивало. Анна чувствовала его тепло - или,

может быть, это было просто воображение. Но ей было всё равно.

- Ты не спишь, - сказал он.

- Не могу. Слишком много мыслей. Они крутятся в голове, как бесконечная карусель.

- О чём?

- О Мише. О тебе. Об Орионе. Об Эрике. Если Инспектор отзовёт Хронику, вы все исчезнете. Не просто умрёте - будете стёрты. Как будто вас никогда не было. Я не могу этого допустить. Я не могу потерять вас снова.

- Ты не должна думать об этом. Думай о том, что ты можешь сделать. О том, как убедить Инспектора.

- А если я не смогу?

- Сможешь. Ты всегда можешь.

- Ты так уверен?

- Я верю в тебя. Это не одно и то же, но близко. Ты - Анна Новак. Ты изменила реальность. Ты остановила коррекцию. Ты прошла Суд. Ты заключила мир с Сеятелями. Ты сделала невозможное десятки раз. И ты сделаешь это снова. Не потому, что ты сильная. Потому что ты не одна. У тебя есть мы. Все мы.

Она повернулась к нему. Его серебристая форма колыхалась на ветру - или это было просто игрой света.

- Я люблю тебя, - сказала она.

- Я знаю. И я тебя. Всегда.

На следующее утро Анна собрала расширенный Совет.

Присутствовали все: двенадцать представителей, Хранители, Арес и Танатос, вся команда Института. Она зачитала расшифровку сигнала - слово в слово. Когда она закончила, в зале было тихо.

Первым заговорил представитель США, сенатор Митчелл. Его лицо было красным - то ли от гнева, то ли от страха.

- Значит, нас снова будут судить? После всего, что мы прошли? После Суда Создателей, после Испытаний Инквизиторов, после войны с Сеятелями, после всего?

- Не судить, - поправила Анна. - Оценивать. Это другое. Суд предполагает вину. Оценка - нет. Инспектор не считает нас виновными. Он просто хочет убедиться, что передача Хроники была оправданной.

- Какая разница? - Митчелл встал. - Исход тот же: либо мы достойны, либо нас стирают. Это не оценка. Это ультиматум. Это шантаж.

- Разница в том, что на суде нужно защищаться. А при оценке - демонстрировать. Мы не должны оправдываться. Мы должны показывать.

- И как мы можем его убедить? - спросила представительница Франции, мадам Дюбуа. Её голос был спокойнее, но в нём звучала тревога.

- Не знаю, - честно ответила Анна. - Хранители говорят, что Инспекторы никогда не раскрывают свои критерии. Они просто смотрят и решают. Но я знаю, чего мы не должны делать. Мы не должны атаковать. Любая агрессия - даже обо-

ронительная - докажет, что мы недостойны. Мы не должны пытаться обмануть их. Они видят всё. Мы должны быть собой.

- И этого достаточно? - спросил представитель Китая, господин Чжоу. - Просто быть собой?

- Для Хранителей этого было достаточно. Для Инквизиторов - тоже. Может быть, для Инспекторов тоже будет достаточно.

- А если нет?

- Тогда я сделаю всё, чтобы защитить тех, кого люблю. Даже если для этого придётся нарушить все правила.

Совет обсуждал это несколько часов. Спорили, кричали, предлагали варианты. Кто-то требовал готовить оружие - на всякий случай. Кто-то предлагал отправить делегацию на встречу Инспектору. Кто-то хотел спрятаться, эвакуироваться на Марс, в Новый Рассвет. Но Анна настояла на своём: никакой агрессии. Никакого страха. Только правда.

После заседания к ней подошёл Матео.

- Ты действительно веришь, что мы сможем убедить Инспектора? Просто будучи собой?

- Я верю, что у нас нет другого выбора. И я верю в людей. Мы прошли через всё это. Мы изменились. Стали лучше. Если Инспектор действительно видит всё, он увидит и это.

- А если нет?

- Тогда я сделаю всё, чтобы защитить тех, кого люблю. Даже если для этого придётся нарушить все правила.

Ночью Анна снова вошла в Хронику. Она хотела поговорить с Александром, с Мишей, с Орионом - со всеми, кто был частью системы. С теми, кто мог исчезнуть через месяц.

Зал Хроник был полон. Миша, всё ещё мальчик, стоял рядом с Саркофагом. Эрик, с его вечной ухмылкой, сидел на краю одной из колонн. Орион, в своей новой золотой форме, парил в воздухе. Протокол - строгий, официальный - стоял навывтяжку. И Александр - настоящий, молодой, улыбающийся - ждал её.

«Мама!» - Миша бросился к ней.

- Миша. - Она обняла его - вернее, попыталась. Её руки прошли сквозь него, но она чувствовала его тепло. - Ты знаешь о сигнале?

«Да. Эрик расшифровал его. Мы все знаем. Мы знаем, что Инспектор может отозвать Хронику. Мы знаем, что тогда мы исчезнем».

- Вы боитесь?

«Немного. Но я верю в тебя. Ты всегда нас спасала. Ты спасла меня, когда я умер. Ты дала мне вторую жизнь - здесь, в Хронике. Если это конец... я не жалею. Я был счастлив здесь. Я был с тобой».

Анна почувствовала, как слёзы текут по её щекам.

- Я не дам вам исчезнуть. Я найду способ. Я всегда нахожу.

«Я знаю. Ты - моя мама. Ты - Автор. Ты можешь всё».

Орион подплыл ближе. Его золотая форма сияла мягким светом.

«Анна. Если Инспектор отзовёт Хронику... мы все исчезнем. Но я не боюсь. Я уже умирал однажды - когда Великий Разлом уничтожил мой мир. Я знаю, что это такое. И я знаю, что после смерти есть что-то ещё. Что-то, что ждёт нас. Я видел это, когда был на грани».

- Я не хочу, чтобы ты умирал снова. Ты только что обрёл покой. Ты заслужил его.

«Я обрёл покой благодаря тебе. И я благодарен за каждую секунду этого покоя. Если он закончится - значит, так тому и быть. Я не жалею».

Эрик прыгнул с колонны и подошёл к ней.

«Анна. Помнишь, что я сказал тебе, когда стал частью системы? Я сказал: «Не бойся. Это прекрасно». Я не соврал. Быть частью Хроники - это прекрасно. Но даже если это закончится - я не жалею. Я прожил хорошую жизнь. Я помог спасти мир. У меня были друзья. У меня была цель. О чём ещё можно мечтать?»

- О жизни. О будущем. О том, чтобы увидеть, как человечество растёт.

«Я увидел достаточно. Я увидел, как вы победили. Как вы заключили мир. Как вы стали наследниками. Этого достаточно».

Александр взял её за руку. Его ладонь была тёплой.

- Мы все верим в тебя. Ты - наш Автор. Ты - наша надежда. Но даже если ты не сможешь нас спасти - мы не жалеем. Мы выбрали этот путь. Мы знали, на что шли.

- Я не хочу терять вас. Никого из вас.

- Я знаю. Но ты должна помнить: что бы ни случилось, мы были счастливы. Мы любили. Мы жили. Этого никто не сможет отнять. Даже Инспектор.

Она прижалась к нему.

- Я люблю тебя, Александр Волков.

- Я знаю. И я тебя. Всегда.

Анна вышла из Хроники на рассвете. Она чувствовала себя... странно. Не спокойно, но решительно. Она знала, что впереди тридцать три дня. И каждый из них будет на счету.

Она подошла к окну. Над Женовой занимался рассвет. Озеро блестело в лучах солнца. Город просыпался - люди шли на работу, пили кофе, читали новости. Обычная жизнь. Но Анна знала: через месяц всё может измениться. Либо они докажут, что достойны, либо их не станет.

Она достала из кармана золотой ключ Отца. Он всё ещё был тёплым.

- Когда-нибудь, - прошептала она. - Когда-нибудь я открою эту дверь. Но не сейчас.

Она убрала ключ обратно в карман. И пошла будить Матео. Им нужно было подготовиться к встрече с Инспектором.

ГЛАВА 3. «ИНСПЕКТОР»

Хранители явились на следующее утро после расшифровки сигнала. Не как проекция - лично. Трое золотых фигур вошли в зал Совета, и их свет был ярче, чем обычно. Анна

знала: это признак волнения. Хранители не умели лгать - их свет выдавал их эмоции.

«Мы должны рассказать вам то, что скрывали, - начал старший из них, тот самый, который говорил с Анной во время Суда. - Об Инспекторах. Об их природе. О том, почему мы боялись их прихода».

- Мы слушаем, - сказала Анна. Александр стоял рядом с ней - он материализовался на этот час, используя свою драгоценную квоту. Его присутствие было физическим, настоящим, и Анна чувствовала тепло его руки.

«Инспекторы - это не просто древняя раса. Они - первая раса. Они возникли в первой вселенной, которая существовала до Большого взрыва. Когда та вселенная схлопнулась, они выжили - единственные из всех. Они перешли в новую вселенную и поклялись: никогда больше. Никогда цивилизации не уничтожат себя так, как уничтожили себя их предшественники».

- Значит, они - стражи? - спросил Александр.

«Больше, чем стражи. Они - создатели сети Хроник. Не нашей Хроники - мы нашли её, а не создали. Но они создали саму концепцию. Идею инструмента, который позволяет цивилизации редактировать реальность, но также служит маяком для наблюдения. Каждая Хроника в галактике подключена к их сети. Каждое изменение реальности фиксируется. Каждое нарушение Принципа Недеяния отмечается».

- И передача Хроники нам была нарушением.

«Да. Мы знали это. Мы рискнули. Мы надеялись, что Инспекторы не заметят - или, если заметят, сочтут передачу оправданной. Мы ошибались».

- Почему вы рискнули? - спросила Анна. - Почему просто не оставили Хронику себе?

Хранитель помолчал. Его свет стал тусклее.

«Потому что мы старые. Мы устали. Мы не справлялись. Ты видела это - когда мы судили вас, когда требовали залог, когда лгали о природе Хроники. Мы были не стражами. Мы были тюремщиками. И мы хотели освободиться. Передать ответственность тем, кто сможет нести её лучше нас».

- И вы выбрали нас.

«Да. Мы видели, как вы прошли через Суд. Как вы отказались выбирать между любовью и долгом. Как вы создали строки 78-84. Как вы заключили мир с Сеятелями. Вы доказали, что достойны. Мы надеялись, что Инспекторы увидят это тоже».

- Но они не увидят, если мы не покажем.

«Да. У вас есть тридцать три дня. Меньше, если они уже здесь».

После ухода Хранителей Анна собрала команду. Матео, Ари, Мари, Хидэо, Соколов, Сибил - все были здесь. Александр всё ещё был материальным - его час ещё не истёк.

- Мы должны понять, что такое Инспектор, - сказала Анна. - Не абстрактно. Конкретно. Как он действует, как оценивает, на что обращает внимание. Всё, что мы знаем.

- У нас есть записи Хранителей, - сказал Ари. - Я проанализировал их за ночь. Инспекторы никогда не раскрывают свои критерии, но есть паттерны. Они ценят стабильность. Они ценят ответственность. Они ценят... искренность.

- Искренность? - переспросила Мари.

- Да. Хранители записали все известные случаи инспекций. Их было всего три за миллиарды лет. В каждом случае цивилизация пыталась обмануть Инспектора - показать себя лучше, чем она есть. И каждый раз Инспектор видел ложь. И отзывал Хронику.

- Значит, наш план «быть собой» - правильный?

- Похоже на то. Но есть нюанс. Инспектор - это не одиночка. Это пара.

- Пара? - Анна нахмурилась. - Что значит «пара»?

Ари вывел на экран фрагмент из архивов Хранителей.

- Инспекторы всегда действуют вдвоём. Один оценивает цивилизацию. Второй оценивает первого. Это система двойного контроля. Они проверяют не только нас, но и друг друга.

- Значит, мы должны убедить не одного судью, а двоих?

- Да. Но это также означает, что у них есть отношения. Динамика. Если мы поймём их, мы сможем найти подход. Анна задумалась. Пара. Двое. Как они с Александром.

- Мы должны стать их зеркалом, - сказала она. - Пара против пары. Мы с Александром встретим их как равные.

- Это рискованно, - предупредил Матео. - Если они вос-

примут это как дерзость...

- Они воспримут это как искренность. Мы не будем притворяться. Мы покажем им, кто мы. Двое людей, которые прошли через всё и остались вместе.

Подготовка к встрече с Инспектором заняла две недели. Анна работала круглосуточно. Она изучала записи Хранителей, анализировала паттерны, готовила речь. Александр тренировался материализоваться на более долгий срок - его лимит в один час был недостаточен для встречи с Инспектором.

Матео предложил решение: протокол «Интеграция». Анна и Александр сольют сознания на тридцать три часа, создав единое существо - «Анналександр». Это позволит Александру быть физически рядом с Анной всё время встречи.

- Это опасно, - предупредил Матео. - Ваши личности могут не пережить второе разделение. Вы можете потерять себя.

- Мы уже теряли себя, - ответила Анна. - После Перезаписи. И мы вернулись.

- Тогда было другое. Тогда вы потеряли память. Сейчас вы можете потерять самую суть. Границу между Анной и Александром.

Анна посмотрела на Александра. Он кивнул.

- Мы готовы рискнуть.

Интеграция началась за три дня до прибытия Инспектора. Анна и Александр вошли в лабораторию, сели в кресла нейроинтерфейса и закрыли глаза. Матео контролировал про-

цесс снаружи. Ари следил за данными. Мари и Хидэо были наготове на случай чрезвычайной ситуации.

Первые часы были мучительными. Анна чувствовала, как её сознание расширяется, вбирая в себя Александра. Его воспоминания. Его боль. Его любовь. Она видела Сирию - пулю, застывшую в воздухе, сделку с Эхом, потерю тени. Она чувствовала его страх - не за себя, за неё. Каждый раз, когда она входила в Хронику, он боялся, что она не вернётся.

Александр чувствовал то же самое. Он видел Торонто - пустую аудиторию, маленького Мишу, умирающего в больнице. Он чувствовал её боль - потерю сына, страх перед неизвестностью, одиночество, которое длилось годами. Он видел, как она изменилась - от затворницы-профессора до Автора, спасительницы реальности.

- Я никогда не знал, как тебе было больно, - прошептал он.

- Я никогда не говорила. Я не хотела, чтобы ты нёс эту боль.

- Теперь я несу её. Вместе с тобой.

К концу первых суток они перестали быть двумя отдельными существами. Они стали «Анналександром» - существом, которое одновременно было мужчиной и женщиной, человеком и Хранителем, прошлым и будущим. Оно видело реальность как единую ткань, где не было разделения.

И оно поняло то, чего не понимали Анна и Александр по отдельности.

Инспекторы - это не судьи. Не аудиторы. Не каратели. Они

- акушеры. Они помогают цивилизациям родиться в новое состояние. Проблема в том, что двенадцать цивилизаций до людей восприняли их как угрозу - и либо атаковали, либо сдавались. Никто не пробовал третий путь: принять их как партнёров.

- Мы будем первыми, - сказало существо, которое было Анной и Александром. - Мы встретим их как равные. Как зеркало.

Интеграция завершилась через тридцать три часа. Анна и Александр разделились. Они снова стали двумя отдельными людьми - но что-то изменилось. Они чувствовали друг друга острее. Их резонанс, всегда бывший сильным, теперь стал абсолютным. Они могли общаться без слов - одними образами, чувствами, мыслями.

- Как вы себя чувствуете? - спросил Матео.

- Странно, - ответила Анна. - Я всё ещё я. Но я также... больше, чем я. Как будто часть Александра осталась во мне навсегда.

- У меня так же, - сказал Александр. - Я чувствую её мысли. Не читаю - именно чувствую. Как музыку.

- Это побочный эффект интеграции. Он может пройти со временем. А может и не пройти.

- Пусть остаётся, - сказала Анна. - Это... приятно.

На тридцатый день после получения сигнала астрономы зафиксировали прибытие Инспектора.

Это была двойная звезда - два солнца, вращающихся друг

вокруг друга. Они вошли в Солнечную систему со стороны пояса Койпера и двигались к Земле с постоянной скоростью. Их приближение вызывало катаклизмы: приливы на океанах стали выше, магнитные бури нарушали связь, в атмосфере появлялись полярные сияния даже над экватором.

Анна стояла на балконе и смотрела, как две звезды приближаются. Они были прекрасны. И ужасающи.

- Это они, - сказала она. - Инспекторы. Двое. Как мы.

- Как мы, - подтвердил Александр. Он стоял рядом - материальный, настоящий. Его час ещё не истёк, но он уже чувствовал, как энергия уходит. Скоро ему придётся вернуться в Хронику.

- Мы встретим их. Вместе.

- Вместе.

Двойная звезда остановилась на орбите Солнца, в точке Лагранжа между Землёй и Марсом. От неё исходил свет - не обжигающий, а тёплый, почти ласковый. И этот свет говорил.

Анна слышала голос - не в ушах, а в сознании. Он был похож на голос Отца, но более древний. Более глубокий. В нём звучали отзвуки миллиардов лет, миллиардов миров, миллиардов судеб.

«Анна Новак. Александр Волков. Мы прибыли. Встреча состоится через три дня. В Зале Совета в Женеве. Приготовьтесь».

Анна и Александр переглянулись.

- Три дня, - сказала она. - У нас есть три дня.
- Достаточно, чтобы подготовиться.
- Достаточно, чтобы попрощаться. Если что-то пойдёт не так.

- Не пойдёт. Мы справимся.
- Ты всегда так говоришь.
- Потому что это всегда правда.

Три дня пролетели как одно мгновение. Анна инструктировала Совет, готовила речь, проверяла системы. Александр тренировался удерживать материальную форму - ему нужно было продержаться хотя бы несколько часов.

Накануне встречи они сидели на балконе. Две звезды сияли в небе - золотая и серебряная. Они медленно вращались друг вокруг друга в вечном танце.

- О чём ты думаешь? - спросил Александр.

- О нас. О них. О том, что мы - зеркало.

- Думаешь, они это увидят?

- Должны. Если они действительно видят всё - они увидят

и это.

- А если нет?

- Тогда мы скажем им. Словами. Мы скажем: «Мы - это вы. Двое, ставшие одним. Мы узнали вас в нас».

- Думаешь, этого достаточно?

- Должно быть. Иначе всё было зря.

Он взял её за руку.

- Я люблю тебя, Анна Новак.

- Я знаю. И я тебя. Всегда.

Встреча состоялась в Зале Совета Дворца Наций. Двенадцать представителей, Хранители, Арес и Танатос, вся команда Института - все были здесь. Анна и Александр стояли в центре зала. Он был материален - его форма держалась уже второй час, но он не показывал усталости.

Две звезды за окном вспыхнули ярче - и в центре зала материализовались две фигуры.

Золотая и серебряная.

Золотой - высокий, статный, с чертами, которые напоминали одновременно и мужчину, и звезду. Серебряная - изящная, текучая, как ртуть, с глазами, в которых отражалась вечность.

Они не говорили словами. Они проецировали смыслы прямо в сознание.

«Анна Новак. Александр Волков. Мы - Инспекторы. Мы прибыли оценить вашу цивилизацию».

- Мы знаем, - ответила Анна. - Мы готовы.

«Вы не атаковали нас. Все цивилизации до вас либо атаковали, либо сдавались. Вы сделали третье. Почему?»

Анна и Александр переглянулись. Она взяла его за руку.

- Потому что мы - это вы, - сказала она. - Двое, ставшие одним. Мы узнали вас в нас.

Инспекторы переглянулись. Впервые за миллиарды лет они встретили зеркало.

И в этом зеркале они увидели нечто, чего не видели ни-

когда.

Себя.

ГЛАВА 4. «РАСКОЛ»

Встреча с Инспекторами длилась всего несколько минут, но её последствия ощущались немедленно. Золотой и Серебряный - так их прозвали журналисты - не дали вердикта. Они сказали только: «Мы увидели достаточно для первого впечатления. Мы продолжим наблюдение». И исчезли так же внезапно, как появились, вернувшись в свою двойную звезду на орбите Солнца.

Но мир уже изменился.

Весть о том, что Инспекторы здесь, что они оценивают человечество, что вердикт может означать конец всего, разлетелась мгновенно. Анна надеялась сохранить информацию в тайне хотя бы на несколько дней, чтобы подготовить людей, чтобы объяснить, чтобы успокоить. Но утечка произошла почти сразу - кто-то из младших сотрудников Совета, имя которого так и не удалось установить, слил запись заседания в Сеть. Через час запись была на всех новостных каналах. Через два - на всех языках мира. Через три - началась паника.

Анна стояла в командном центре Института, глядя на десятки экранов, транслирующих новости со всего мира. Это было похоже на наблюдение за пациентом в терминальной стадии - ты видишь, как болезнь распространяется, и ничего

не можешь сделать.

Нью-Йорк: толпа на Таймс-сквер, тысячи людей с плакатами. «ИНСПЕКТОРЫ, УХОДИТЕ!», «МЫ НЕ ВАШИ РАБЫ!», «АННА, СПАСИ НАС!» Полиция пытается сдерживать толпу, но людей слишком много. Кто-то разбил витрину. Кто-то поджёг автомобиль. Национальная гвардия стягивается к центру города.

Москва: Красная площадь заполнена людьми. Они стоят молча, держа в руках свечи. Это не протест. Это молитва. Патриарх проводит службу прямо под открытым небом, под двумя звёздами, которые сияют даже днём. «Господи, защити нас от суда небесного», - звучат слова молитвы.

Токио: тишина. Самая страшная тишина, которую Анна когда-либо видела. Миллионы людей стоят на улицах, но не кричат, не молятся, не протестуют. Они просто смотрят в небо - туда, где висят две звезды. Они ждут. Ждут вердикта. Ждут конца или спасения.

Дели: хаос. Уличные столкновения между теми, кто требует атаковать Инспекторов, и теми, кто призывает к миру. Полиция применяет слезоточивый газ. Есть раненые. Есть убитые.

Лагос: другой хаос. Люди штурмуют Школу Авторов - ту самую, которую открыли всего полгода назад. Они требуют, чтобы Авторы защитили их. «Вы же можете всё! - кричат они. - Сделайте что-нибудь! Остановите их!» Авторы - молодые, напуганные - не знают, что ответить.

Берлин: правительство собирается на экстренное заседание. Канцлер выступает с обращением: «Мы призываем к спокойствию. Мы работаем с нашими союзниками. Мы найдём решение». Но его голос дрожит, и люди это видят.

- Мы теряем контроль, - сказал Матео, подходя к Анне. Его лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени - он не спал уже вторые сутки. В руке он держал планшет с данными. - Совет раскололся. Я получаю сообщения от представителей каждые десять минут. «Ястребы» требуют использовать Хронику как оружие. «Голуби» хотят переговоров с Инспекторами - отправить делегацию, умолять о пощаде. «Реалисты» предлагают отказаться от Хроники добровольно, чтобы спасти человечество. И каждая фракция считает, что только она права.

- Отказаться? - Анна повернулась к нему. - Они понимают, что это значит? Если мы откажемся от Хроники, мы потеряем всё. Строки, которые защищают реальность. Терминалы, которые соединяют нас с союзниками. Мишу, Александра, Ориона, Эрика - всех, кто стал частью системы.

- Они понимают. Но они считают, что это лучше, чем быть стёртыми полностью. Лучше потерять часть, чем всё.

- Это не гарантия. Инспекторы могут всё равно решить, что мы недостойны. И тогда мы останемся без Хроники и без защиты. Мы будем беззащитны перед любыми угрозами.

- Я знаю. Но страх не слушает логику. Страх слушает только себя.

Анна сжала кулаки. Она думала о том, что сказали Инспекторы: «Мы продолжим наблюдение». Значит, у них ещё есть время. Но сколько? Дни? Недели? Часы? И каждый час промедления, каждый час споров в Совете приближал их к катастрофе.

- Мы должны собрать Совет, - сказала она. - Немедленно. Сегодня же. Пока ситуация не вышла из-под контроля полностью. Пока «ястребы» не начали действовать самостоятельно.

- Уже собираем. Через час во Дворце Наций. Но, Анна...
- Матео помолчал. - Я говорил с некоторыми представителями заранее. Они настроены очень решительно. Особенно Нкомо.

- Нкомо?

- Новый представитель Африканского Союза. Он заменил предыдущего полгода назад. Я мало о нём знаю, но то, что слышал... он потерял семью во время коррекций. Его деревню стёрли. Он ненавидит всё, что связано с Создателями, Хранителями, Инспекторами. Для него они все - одна угроза.

- Он хочет войны.

- Он хочет справедливости. И он считает, что справедливость - это месть.

Анна закрыла глаза.

- Я буду там. Я поговорю с ним.

- Это будет непросто.

- Знаю. Но я должна попробовать.

Зал Совета был заполнен до отказа. Двенадцать представителей сидели за круглым столом, но атмосфера была далека от обычной дипломатической. Голоса звучали громче, жесты были резче, лица - напряжённее. Анна видела, как разделились мнения, и это разделение пугало её больше, чем сам Инспектор.

В зале присутствовали не только представители. Хранители - три золотые фигуры - парили в углу, их свет был тусклым, встревоженным. Арес и Танатос подключились через канал связи с Марса - они предлагали помощь, но Анна попросила их пока не вмешиваться. «Это наша внутренняя проблема, - сказала она. - Мы должны решить её сами. Иначе Инспекторы увидят, что мы зависим от союзников». Члены команды - Матео, Ари, Мари, Хидэо, Соколов, Сибил - сидели в первом ряду.

Первым взял слово генерал Нкомо. Он встал медленно, опираясь на стол обеими руками. Его голос гремел, как гром, отражаясь от стен старинного зала.

- Мы должны атаковать! - Он ударил кулаком по столу с такой силой, что графин с водой подпрыгнул. - Пока они не атаковали нас! У нас есть Хроника! У нас есть строки! У нас есть оружие, о котором наши предки не могли и мечтать! Мы можем редактировать реальность! Мы можем изгонять угрозы! Мы можем исцелять! И мы должны сидеть и ждать, пока какие-то пришельцы решат, достойны ли мы жить?

- Атаковать Инспекторов? - переспросила мадам Дюбуа, представительница Франции. Её голос был холодным, как лёд. - Вы понимаете, что это самоубийство? Они - существа, живущие в звёздах. Они создали сеть Хроник, которая охватывает всю галактику. Они древнее, чем сама наша галактика. Чем вы собираетесь их атаковать? Ракетами? Лазерами? Строками? Они создали концепцию строк!

- Строки создала Анна Новак, - возразил Нкомо. - И они работают. Строка 79 изгоняет угрозы реальности. Строка 80 исцеляет. Строка 81 требует обратимости. Мы можем использовать их! Мы можем создать новую строку - строку войны!

- Строка 79 изгоняет тех, кто угрожает реальности, - спокойно ответила Анна. Она говорила тихо, но её голос перекрывал шум. - Инспекторы не угрожают реальности. Они её защищают. Они - часть системы, которую сами создали. Строка не сработает против них. Она просто... не увидит их как угрозу.

- Тогда мы создадим новую строку! Строку, которая будет работать против них!

- И это именно то, чего они ждут. Агрессия - первая реакция, которую они ожидают от цивилизации, не готовой к Хронике. Если мы атакуем, мы докажем, что мы недостойны. Они отзовут Хронику немедленно. Без раздумий. Без колебаний. Всё будет кончено.

Нкомо замолчал, но его глаза всё ещё горели гневом. Анна

видела, как он сжимает и разжимает кулаки - ритмично, как будто сдерживая себя из последних сил.

Тогда заговорил представитель Китая, господин Чжоу. Он был спокоен, но его спокойствие было холодным, расчётливым. Он говорил медленно, взвешивая каждое слово.

- Я предлагаю третий путь. Ни атака, ни ожидание. Мы можем отказаться от Хроники добровольно. Вернуть её Хранителям. Показать Инспекторам, что мы не держимся за силу. Что мы готовы пожертвовать ей ради мира. Что мы понимаем: сила - это не право, а ответственность.

- И что это даст? - спросил сенатор Митчелл, представитель США. Он нервно постукивал пальцами по столу.

- Это покажет нашу мудрость. Нашу готовность к самоограничению. Именно это они ценят - так говорят все записи. Инспекторы ценят стабильность, ответственность, уважение к Принципу Недеяния. Отказ от Хроники - это высшая форма уважения.

- Или это покажет наш страх, - возразила Анна. - Нашу готовность сдать без боя. Они могут решить, что мы недостойны именно потому, что отказались. Что мы не справились с ответственностью. Что мы испугались.

- Значит, любой выбор ведёт к проигрышу? - спросила мадам Дюбуа.

- Нет. Есть четвёртый путь. Не атака. Не капитуляция. Не бездействие. Демонстрация.

- Демонстрация чего? - спросил Нкомо с вызовом.

- Того, кто мы есть. Мы должны показать им нашу свободу - не как оружие, а как выбор. Нашу эмпатию - не как слабость, а как силу. Нашу любовь - не как сделку, а как реальность. Мы должны показать им, что мы - не идеальные существа. Мы ошибаемся. Мы падаем. Мы ссоримся. Но мы также миримся. Мы прощаем. Мы меняемся. Мы растём. Это то, что делает нас людьми. Это то, что поразило Создателей. Это то, что поразило Инквизиторов. Это то, что поразило Наблюдателей. Может быть, это поразило и Инспекторов.

- «Быть собой», - фыркнул Нкомо. - Это не стратегия. Это философия. Это слова. А нам нужны действия.

- Это стратегия, которая спасла нас от Создателей, от Инквизиторов, от Сеятелей. Она работала всегда. Против всех. Против каждого.

- А если не сработает сейчас? Если Инспекторы решат, что нашей «человечности» недостаточно?

- Тогда мы будем бороться. Но не атакой. Защитой. Мы будем защищать тех, кого любим. Тех, кто не может защитить себя. Мы будем использовать Хронику не для разрушения, а для сохранения. Мы будем стоять до конца. И если Инспекторы увидят это - они, возможно, поймут.

Нкомо покачал головой, но промолчал.

Совет обсуждал это ещё несколько часов. Спорили, кричали, перебивали друг друга. Сенатор Митчелл предлагал эвакуировать часть населения на Марс, в Новый Рассвет. Мадам Дюбуа требовала отправить дипломатическую мис-

сию к Инспекторам - «должны же они уметь разговаривать». Господин Чжоу настаивал на добровольном отказе от Хроники. Нкомо требовал готовить оружие.

В конце концов, когда все уже охрипли от споров, было принято компромиссное решение: никакой атаки, никакой капитуляции. Анна и Александр будут представлять человечество перед Инспекторами как послы. Они попробуют «демонстрацию».

Но Анна знала: компромисс был хрупким, как первый лёд на осеннем озере. Нкомо и его «ястребы» не сдались. Они просто временно отступили. Они будут ждать своего часа. И если демонстрация не сработает - они нанесут удар.

После заседания Анна попросила Нкомо остаться. Он согласился - неохотно, но согласился. Они стояли в опустевшем зале Совета, глядя друг на друга через длинный стол.

- Вы хотели поговорить? - спросил он. Его голос был холодным.

- Да. Наедине. Не как член Совета с членом Совета. Как человек с человеком.

- О чём?

- О вас. О вашей семье. О том, почему вы так сильно хотите войны.

Нкомо долго смотрел на неё. Его лицо было каменным, но в глазах что-то дрогнуло.

- Вы хотите знать? Хорошо. Приходите сегодня вечером. В мою резиденцию. Там я расскажу.

Анна пришла в резиденцию Нкомо поздно вечером. Это был небольшой дом на окраине Женевы, который он снимал на время работы в Совете. Никакой охраны, никакой прислуги. Простой, скромный дом для человека, который не привык к роскоши.

Она пришла одна, без Александра, без охраны. В простой одежде, без знаков отличия Института. Постучала в дверь.

Нкомо открыл. Он был без пиджака, в простой белой рубашке с закатанными рукавами. Увидев Анну, он нахмурился.

- Вы пришли. Я думал, вы передумаете.

- Я не передумываю. Я обещала - я пришла.

Он помолчал. Потом отступил, пропуская её внутрь.

Дом был скромным - стол, несколько стульев, книжная полка с потрёпанными томами. На стене висела фотография в простой деревянной рамке. Анна сразу обратила на неё внимание. Женщина с тёплой улыбкой. Двое детей - мальчик и девочка, смеющиеся, счастливые. Семья Нкомо. Та, которую он потерял.

- Хотите чаю? - спросил Нкомо. Это было неожиданно - проявление гостеприимства от человека, который ещё несколько часов назад требовал войны.

- Да, спасибо.

Он заварил чай - простой, чёрный, без сахара. Они сели за стол. Нкомо долго молчал, глядя на фотографию.

- Вы хотите знать, что случилось? - спросил он наконец.

- Если вы готовы рассказать.

- Я не готов. Но я расскажу. Вы заслужили это. Вы единственная, кто спросил.

Он отпил чай и начал говорить. Его голос был тихим, но твёрдым.

- Моя деревня была в Танзании, у подножия Килиманджаро. Маленькая, всего около двухсот человек. Мы жили там поколениями - мой прадед, мой дед, мой отец. У меня была жена - Амина. Мы поженились, когда мне было двадцать, ей - восемнадцать. У нас было двое детей - Квали и Зала. Мальчик и девочка. Когда их стёрли, им было семь и пять лет.

Он замолчал. Анна ждала.

- Я был в отъезде, когда это случилось. У меня была работа в Дар-эс-Саламе - я служил в армии, в инженерных войсках. Я вернулся домой на выходные. И не нашёл ничего. Ни деревни. Ни жены. Ни детей. Только пустое поле. Как будто там никогда ничего не было. Как будто моя жизнь, моя семья, моё прошлое были просто сном.

- Коррекция, - тихо сказала Анна.

- Да. Я узнал позже. Один из ваших Создателей - может быть, Хранитель, может быть, Сеятель, я не знаю - решил, что этот кусок земли должен быть возвращён в исходное состояние. Двести миллионов лет назад здесь было море. Они вернули море. И стёрли всё, что было сверху. Мою деревню. Мою семью. Моих друзей. Моих соседей. Всех.

- Мне очень жаль. Искренне жаль.

- Жаль? - Он горько усмехнулся. - Все говорят «жаль». Ваши Авторы говорили «жаль». Хранители говорили «жаль». Но «жаль» не вернёт мою жену. «Жаль» не вернёт моих детей. «Жаль» - это пустое слово. Оно ничего не значит.

- Я знаю. Слова не могут вернуть тех, кого мы потеряли. Я потеряла сына. Мишу. Ему было пять лет. Он умер от лейкемии. Я держала его за руку, когда он уходил. Я знаю, что такое боль потери.

Нкомо посмотрел на неё. Впервые за всё время их разговора его взгляд смягчился.

- Вы... вы тоже потеряли ребёнка?

- Да. И я никогда не забуду его. Никогда не перестану любить его. Но я научилась жить с этой болью. Не потому, что я сильная. Потому что у меня не было выбора. Либо жить, либо умереть. Я выбрала жить.

- Я тоже выбрал жить. Но я выбрал жить для мести.

- Мечь не вернёт вашу семью. Она только уничтожит новых людей. Новых детей. Новых жён. Разве ваша Амина хотела бы этого?

Нкомо отвёл глаза. Его руки, лежавшие на столе, дрожали.

- Я не знаю, чего она хотела бы. Я не успел спросить. Их стёрли, пока меня не было.

- Но вы знаете. Где-то глубоко. Вы знаете, что она хотела бы мира. Покоя. Счастья для других. Не мести.

Он долго молчал. Анна слышала только тиканье часов на стене.

- Вы правда верите, что мы можем пройти оценку Инспекторов? - спросил он наконец.

- Да. Я верю. Потому что я видела, на что способны люди. Не на войне. В мире. В прощении. В любви. Мы прошли через Суд Создателей. Через Испытания Инквизиторов. Через войну с Сеятелями. Мы заключали мир с теми, кто хотел нас уничтожить. Мы менялись. Мы становились лучше. Это не делает нас идеальными. Но это делает нас достойными.

- И вы хотите, чтобы я помог вам? После всего, что я говорил?

- Я хочу, чтобы вы помогли себе. Вы носите эту боль уже много лет. Она разрушает вас изнутри. Я не прошу вас забыть. Я прошу вас попробовать отпустить. Не ради Инспекторов. Не ради Совета. Ради себя.

Нкомо посмотрел на фотографию на стене.

- Я не могу обещать, что перестану ненавидеть. Слишком долго я жил этой ненавистью. Она стала частью меня.

- Я не прошу обещаний. Я прошу попробовать. Один день. Потом ещё один. Шаг за шагом.

Он медленно кивнул.

- Хорошо. Я попробую.

Анна вернулась в штаб поздно ночью. Александр ждал её в кабинете. Он был всё ещё материальным - его форма держалась, но Анна видела, как она истончается по краям, как серебристый свет становится тусклее.

- Ты должен вернуться в Хронику, - сказала она. - Ты ис-

тощён.

- Я в порядке. Расскажи, что случилось. Ты говорила с Нкомо?

- Да. - Она села в кресло, чувствуя, как усталость наваливается на неё. - Он потерял всё. Жену, детей, деревню. Их стёрли во время коррекции. Он носит эту боль уже много лет. Она превратилась в ненависть.

- И ты убедила его отказаться от мести?

- Не убедила. Просто выслушала. Он согласился попробовать. Хотя бы на время.

- Это большое достижение.

- Это маленький шаг. Но с него начинается путь.

Александр взял её за руку. Его ладонь была прохладнее обычного - признак того, что его энергия на исходе.

- Ты устала.

- Я устала уже тридцать лет. Но я не могу остановиться. Слишком многое поставлено на карту. Если мы проиграем...

- Мы не проиграем. Мы никогда не проигрывали. Потому что мы вместе.

- Вместе, - повторила она. - Но сейчас ты должен идти. Возвращайся в Хронику. Восстанови силы.

- А ты?

- Я посплю. Обещаю.

Он наклонился и поцеловал её в лоб - лёгкое, почти неведомое прикосновение. Потом его форма начала растворяться, и через несколько секунд он исчез.

Анна осталась одна в кабинете. Она подошла к окну. Две звезды сияли в небе - золотая и серебряная, вращающиеся друг вокруг друга. Где-то там Инспекторы наблюдали за ними. Ждали. Оценивали.

- Мы покажем вам, - прошептала Анна. - Мы покажем, кто мы такие.

На следующее утро Совет собрался снова. Атмосфера была иной - менее напряжённой, но всё ещё тревожной. Никто сидел на своём месте. Его лицо всё ещё было суровым, но в глазах больше не горел тот опасный огонь, что вчера.

Анна выступила перед Советом с обновлённой стратегией. Она говорила спокойно, методично, без лишних эмоций.

- Инспекторы наблюдают за нами. Они смотрят на то, как мы решаем свои проблемы. Раскол в Совете, который мы видели вчера, - это именно то, что они видят. Если мы не сможем договориться между собой, если мы будем грызться, как собаки за кость, как мы можем претендовать на то, чтобы быть достойными Хроники? Как мы можем управлять реальностью, если не можем управлять собой?

- И что вы предлагаете? - спросил сенатор Митчелл. Он выглядел уставшим - мешки под глазами, галстук ослаблен.

- Я предлагаю единство. Не формальное, не показное. Настоящее. Мы должны показать Инспекторам, что мы способны преодолевать разногласия. Что мы можем спорить - и находить компромисс. Что мы можем ссориться - и мириться. Что мы можем ошибаться - и исправлять ошибки. Что мы

- не идеальные существа. Но мы - живые. Настоящие. Способные меняться.

- Это снова философия, - проворчал Нкомо. Но его голос звучал иначе - в нём не было прежней агрессии. Скорее, усталое признание.

- Это стратегия, - ответила Анна. - Единственная, которая работала раньше. Против Создателей. Против Инквизиторов. Против Сеятелей. Против всех, кто сомневался в нас. И единственная, которая работает сейчас.

- Что конкретно вы предлагаете? - спросила мадам Дюбуа.

- Мы должны принять совместную резолюцию. Публичную. Мы заявляем, что, несмотря на разногласия, мы едины перед лицом Инспекторов. Мы не будем атаковать. Мы не будем капитулировать. Мы будем демонстрировать. Нашу свободу. Нашу эмпатию. Нашу любовь. Каждый день. Каждым действием.

- И это убедит Инспекторов?

- Не знаю. Но это покажет им, кто мы. А правда - это единственное, что работало всегда.

Совет голосовал. Решение о единстве было принято почти единогласно. Только один представитель - от небольшой страны, которую Анна даже не знала, - воздержался. Нкомо проголосовал «за». Анна видела, как он поднимает руку - медленно, словно преодолевая сопротивление. Но он поднял.

После заседания он подошёл к ней.

- Я всё ещё не доверяю им. Инспекторам.

- Я не прошу доверия. Доверие нужно заслужить. Я прошу терпения. Дайте им шанс показать, кто они.

- Терпение - это не то, чему меня учили в армии. В армии учат действовать.

- Иногда лучшее действие - это бездействие. Иногда нужно просто ждать и смотреть.

- Вы странная женщина, Анна Новак. Вы говорите как философ, а действуете как генерал.

- Мне это часто говорят. - Она улыбнулась. - Но я просто делаю то, что считаю правильным.

- Я буду ждать. Но если Инспекторы попытаются навредить нам...

- Тогда мы будем защищаться. Вместе.

Вечером Анна и Александр - он снова материализовался на час, используя последние резервы, - стояли на балконе. Две звезды сияли в небе.

- Раскол преодолён, - сказал Александр. - По крайней мере, на время.

- На время. Никому всё ещё полон гнева. Но он научился его контролировать. Это первый шаг.

- Ты сделала это. Ты превратила врага в союзника.

- Не я. Он сам. Я просто выслушала. Иногда это всё, что нужно. Выслушать человека. Понять его боль. Признать её.

- Этому тебя никто не учил.

- Жизнь научила. Потеря Миши. Встреча с тобой. Всё,

через что мы прошли. Я поняла: за каждой агрессией стоит боль. За каждой ненавистью - страх. Если ты найдёшь источник боли, ты сможешь исцелить её. Не всегда. Но иногда.

- Ты говоришь как психолог.

- Я говорю как человек, который потерял слишком много и научился жить дальше.

Он обнял её. Его форма была прохладной, но объятие - настоящим.

- Я люблю тебя, Анна Новак.

- Я знаю. И я тебя. Всегда.

ГЛАВА 5. «МОЛЧАНИЕ АЛЕКСАНДРА»

После заседания Совета и разговора с Нкомо прошло три дня. Три дня относительного спокойствия - насколько спокойствие вообще было возможно, когда две звезды висели на орбите Солнца, а миллиарды людей каждую ночь смотрели в небо, гадая, что принесёт рассвет. Совет принял резолюцию о единстве. Нкомо держал слово - он больше не требовал войны, хотя Анна знала, что его гнев никуда не делся, а лишь ушёл вглубь, затаился, ожидая своего часа.

Но Анна не могла сосредоточиться ни на Совете, ни на Инспекторах. Её мысли занимал Александр.

Он молчал уже три недели.

Не физически - физически он не мог говорить, находясь в Хронике. Но их связь, их резонанс, который они создали много лет назад и усилили во время недавней Интеграции,

позволял им общаться без слов. Через образы, чувства, мысли. Через сны. Каждую ночь Анна закрывала глаза и ждала, что он появится в её сновидениях - в Зале Хроник, где колонны света кружились в медленном танце, где они могли быть вместе хотя бы на несколько часов.

И каждую ночь она просыпалась в пустоте. Без снов. Без него.

Сначала она думала, что это временно. Александр был Хранителем - его работа в Хронике требовала концентрации. Он охранял строки, патрулировал слои реальности, следил за остатками Эха. Может быть, он просто занят. Может быть, он не может выйти на связь. Может быть, завтра всё вернётся.

Но проходили дни, а тишина становилась только глубже.

На пятую ночь она обратилась к Мише.

«Мама, - сказал он, когда она вошла в Хронику через нейроинтерфейс. - Ты выглядишь уставшей. Ты опять не спала?»

- Не могла. Александр не выходит на связь. Ты чувствуешь его?

Миша помолчал. Его форма - мальчик, сотканный из золотого света, - колыхнулась.

«Да. Он здесь. Но он... далеко. Очень далеко. Глубже, чем обычно. Я пытался говорить с ним, но он не отвечает».

- Глубже? Что это значит?

«В Хронике есть слои. Мы - я, Эрик, Орион, Протокол -

находимся в верхних слоях, ближе к реальности. Здесь мы можем общаться с тобой, следить за строками, помогать людям. Но Александр... он ушёл в глубину. В те слои, где хранится древняя память. Где записаны все инспекции, все суды, все цивилизации. Я не знаю, зачем он туда пошёл. Он не сказал».

- Он изменился?

«Да. Сильно. Когда я видел его в последний раз - это было около двух недель назад, - он выглядел... иначе. Его форма стала более золотой, чем серебряной. Как у Хранителей. И его глаза... они смотрели куда-то вдаль. Как будто он видел что-то, чего я не вижу».

Анна почувствовала, как холод пробежал по спине. Она знала, что пребывание в Хронике меняет тех, кто становится её частью. Эрик изменился - он стал более спокойным, более мудрым, но сохранил свою человечность, свою вечную ухмылку. Орион изменился - он обрёл покой, которого искал миллиарды лет, но остался собой. Протокол изменился - из оружия он стал защитником, но его суть, его стремление к порядку, сохранилась.

Но Александр... Александр был другим. Он был Хранителем - не просто стражем строк, а тем, кто вплетён в саму ткань реальности. Его связь с Хроникой была глубже, чем у кого-либо, кроме, возможно, Отца и Первого. Если он изменится слишком сильно - что останется от него? Останется ли любовь к ней? Останется ли его человечность?

- Я должна найти его, - сказала она.

«Это опасно. Глубинные слои не предназначены для живых. Даже я не могу долго там находиться - это истощает меня».

- Я - Автор. Я создала строки, которые держат реальность. Я спускалась в изначальный код. Я говорила с Иглой. Я справлюсь.

«Я знаю. Но, мама... будь осторожна. Если ты потеряешься там, я не смогу тебя вытащить».

- Я не потеряюсь. У меня есть Якорь.

На следующее утро Анна обратилась к Матео. Она пришла в его лабораторию рано, когда большинство сотрудников ещё не появились. Матео уже был там - он работал над расшифровкой сигналов Инспекторов, и мешки под его глазами говорили о том, что он опять не спал.

- Мне нужно проникнуть в Хронику глубже, чем когда-либо, - сказала она без предисловий. - Туда, где сейчас Александр. В глубинные слои. Ты можешь помочь?

Матео поднял голову от терминала. Его глаза, уставшие, но всё ещё острые, смотрели на неё оценивающе.

- Теоретически - да. У нас есть нейроинтерфейс, который позволяет погружаться в глубокие слои Хроники. Ты использовала его раньше, когда искала изначальный код. Но тогда ты была не одна. С тобой был Ари - он рассчитывал математические модели, он страховал тебя. С тобой был Александр - он был твоим Якорем, он держал тебя за руку. Они удерживали

живали тебя в реальности. Сейчас ты хочешь идти одна.

- Сейчас я пойду одна. У меня нет выбора.

- Это опасно. Без Якоря ты можешь потерять связь с реальностью. Твоё сознание может остаться в Хронике навсегда - не как Миша или Эрик, не как интегрированное сознание, а как потерянная душа, блуждающая в глубинах без возможности вернуться. Как те, кого поглотила Хроника во время Великого Разлома.

- Я понимаю риск. Но я должна найти Александра. Он молчит уже три недели. Он уходит всё глубже. Если я не остановлю его сейчас, я могу потерять его навсегда. Он может стать... не собой. Как Хранители, которые потеряли свою человечность и стали холодными судьями.

Матео долго смотрел на неё. Анна видела, как он колеблется - между профессиональным долгом, требовавшим остановить её, и человеческим пониманием, требовавшим помочь.

- Хорошо, - сказал он наконец. - Я помогу. Но у меня есть два условия.

- Какие?

- Первое: я буду отслеживать твои жизненные показатели в реальном времени. Если твой пульс упадёт ниже критического уровня, если твоя мозговая активность начнёт угасать, если ты начнёшь терять связь с телом - я отключу интерфейс и верну тебя. Даже если ты будешь протестовать. Даже если ты будешь на пороге чего-то важного. Твоя жизнь для меня

важнее любых открытий.

- Согласна.

- Второе: возьми с собой это. - Он подошёл к сейфу в углу лаборатории, открыл его и достал маленький кристалл, светящийся голубоватым светом. Кристалл был заключён в прозрачную сферу размером с грецкий орех. - Это фрагмент памяти Александра. Я извлёк его во время вашей Интеграции - на всякий случай. Он содержит эмоциональный отпечаток: его любовь к тебе, его страх за тебя, его решимость защищать. Это как... как запах, по которому собака находит хозяйина. Он поможет тебе найти Александра в глубинах Хроники. Как маяк.

Анна взяла кристалл. Он был тёплым - теплее, чем должен быть любой неодушевлённый предмет. Она чувствовала в нём отголоски Александра. Его голос - низкий, спокойный. Его мысли - о ней, о Мише, о мире. Его любовь - огромную, всепоглощающую, которую он редко выражал словами, но которая была в каждом его поступке.

- Спасибо, Матео. Я этого не забуду.

- Не благодари. Просто вернись. И верни его. Вы оба нужны этому миру.

Анна легла в кресло нейроинтерфейса. Матео подключил электроды - маленькие, серебристые, холодные на коже. Он работал методично, проверяя каждый контакт.

- Я буду вводить тебя в транс постепенно, - сказал он. - Сначала - верхние слои, как обычно. Потом мы пойдём глуб-

же. На каждом уровне я буду проверять твои показатели. Если что-то пойдёт не так...

- Ты вернёшь меня. Я знаю. Ты уже говорил.

- Я просто хочу, чтобы ты понимала риск.

- Я понимаю. Я всегда понимала.

К ним присоединился Ари. Он сел за пульт управления и начал настраивать параметры погружения.

- Я буду отслеживать сигналы Хроники, - сказал он. - Если замечу аномалию - предупрежу Матео.

Мари и Хидэо тоже пришли. Они стояли у двери, готовые помочь, если потребуется физическое вмешательство.

- Ты уверена? - спросила Мари. Её голос дрожал. - Может быть, подождём? Может быть, Александр сам вернётся?

- Он не вернётся. Он уходит всё глубже. Я чувствую это. Если я не пойду сейчас, я потеряю его.

Мари кивнула, сдерживая слёзы.

- Тогда иди. И возвращайся. Вы оба.

Анна закрыла глаза и активировала интерфейс. Мир исчез.

Сначала был привычный переход - колонны света, кружащиеся в медленном танце, Саркофаг в центре, излучающий золотой свет. Зал Хроник встретил её, как всегда, - тишиной и покоем.

Миша ждал её у Саркофага. Рядом с ним стояли Эрик и Орион. Протокол парил чуть поодаль.

«Мама. Ты всё-таки решилась», - сказал Миша.

- Да. Я должна найти его.

«Мы пойдём с тобой, - сказал Эрик. - Не в глубину - мы не можем, это истощит нас. Но мы будем держать связь. Если ты потеряешься, мы попробуем вытащить тебя».

- Спасибо. Все вы.

«Будь осторожна, - добавил Орион. - Глубинные слои - это не просто информация. Это... память. Память всех цивилизаций, которые жили и умерли. Их боль, их страх, их ненависть. Ты можешь увидеть то, что не захочешь помнить».

- Я видела достаточно боли за свою жизнь. Я справлюсь.

«Мы знаем. Именно поэтому ты - Автор».

Анна сжала в руке кристалл Матео - вернее, его информационный аналог в Хронике. Он пульсировал голубоватым светом, указывая направление.

- Я иду, - сказала она. - Ждите меня.

И она начала погружение.

Слои Хроники проносились мимо неё - знакомые, изученные. Вот строка 82 - «Эмпатия защищена», созданная для того, чтобы люди могли чувствовать боль друг друга, не сходя с ума. Вот строка 81 - «Изменения должны быть обратимы», гарантия против цепных реакций. Вот строки 80, 79, 78 - её величайшие творения, фундамент новой реальности.

Она прошла через слои, созданные Отцом - тёплые, золотые, полные любви и заботы. Здесь было безопасно - здесь она чувствовала себя как дома. Отец вложил в эти слои всё своё существо, всю свою надежду на человечество.

Она прошла через слои, созданные Первым - более древние, более холодные, но всё ещё несущие отпечаток его личности. Его одиночество. Его страх. Его желание создать что-то, что переживёт его.

Она прошла через слои, созданные Иглой - фундаментальные, абсолютные, существовавшие до всего. Здесь не было эмоций. Только чистая структура. Только логика бытия.

И наконец она достигла глубинных слоёв.

Здесь всё было иначе. Здесь не было колонн света, не было Саркофага. Здесь была только информация - чистая, неструктурированная, бесконечная. Потoki данных текли, как реки, во всех направлениях одновременно. Это было похоже на океан - но не водный, а информационный. И где-то в этом океане был Александр.

Кристалл в её руке пульсировал ярче. Он вёл её.

Она двигалась сквозь потоки данных, раздвигая их, как воду. Вокруг неё проплывали обрывки воспоминаний - не её, чужие. Она видела цивилизации, которые жили и умерли миллиарды лет назад. Существа из света, существа из камня, существа из чистой мысли. Все они прошли через инспекции. Все они пытались доказать, что достойны. И все они провалились.

Она видела, как Инспекторы приходят - всегда парами, золотой и серебряный. Как они смотрят, оценивают, выносят вердикт. Как цивилизации реагируют - атакой, капитуляци-

ей, попыткой обмануть. И как они исчезают. Одна за другой. Стертые из реальности.

И наконец она нашла его.

Александр парил в центре огромного зала, сложенного из чистой информации. Его форма была серебристой, но теперь в ней появились золотые прожилки - как у Хранителей. Они пульсировали в такт его дыханию. Его глаза были открыты, но смотрели куда-то вдаль, за пределы Хроники, за пределы реальности. Он не замечал Анну.

- Александр! - позвала она.

Он медленно повернул голову. Его взгляд сфокусировался на ней - но в этом взгляде было что-то чужое. Что-то, чего она не видела раньше. Не холод - холод был у Инквизиторов. Не тепло - тепло было у Отца. Что-то третье. Что-то, что было больше, чем человек.

- Анна, - произнёс он. Его голос звучал иначе - глубже, многоголосие. Как будто он говорил не один, а вместе с Хроникой. - Ты пришла.

- Конечно, пришла. Ты молчал три недели. Я волновалась. Я не могла спать. Я не могла есть. Я думала только о тебе.

- Три недели? - Он нахмурился. Его брови сдвинулись - этот жест был таким знакомым, таким человеческим, что у Анны защемило сердце. - Здесь время течёт иначе. Для меня прошли... годы. Десятилетия. Я не знаю точно. Я перестал считать.

- Почему ты здесь? Почему так глубоко?

- Потому что я должен был понять. Инспекторов. Их природу. Их критерии. Я погружался в слои Хроники, которые хранят память о всех инспекциях, которые когда-либо проводились. Тысячи инспекций. Десятки тысяч. Я видел их все.

- И что ты узнал?

- Что они не судьи. Не каратели. Не аудиторы. Они - зеркало. Они показывают цивилизации её истинную суть. Если цивилизация видит в них врагов - она атакует. Если видит господ - сдаётся. Если видит угрозу - пытается обмануть. Но если видит равных...

- Мы должны видеть в них равных.

- Да. Но для этого мы должны быть цельными. А мы не цельны. Мы расколоты. Совет спорит. Люди боятся. Редакторы и неприкасаемые ненавидят друг друга. Нкомо хочет войны. Митчелл хочет эвакуации. Чжоу хочет капитуляции. Мы показываем Инспекторам не единство. Мы показываем хаос. Мы показываем им то, что они видели тысячи раз. И всегда это заканчивалось одинаково.

- Мы работаем над этим. Я говорила с Нкомо. Он согласился попробовать мир. Совет принял резолюцию о единстве. Мы делаем шаги.

- Этого недостаточно. Слова - это только начало. Нужны действия. Нужны изменения. И они должны исходить не от тебя - от людей. От каждого человека. От семи миллиардов душ.

Анна подплыла ближе к нему. Его форма была холодной

- холоднее, чем обычно. Она протянула руку и коснулась его щеки. Он вздрогнул - как будто забыл, что такое прикосновение.

- Ты изменился, - сказала она. - Ты стал... далёким. Как будто ты больше не ты.

- Я всё ещё я. Но я также стал частью чего-то большего. Три года в Хронике, три года среди вероятностей и слоёв реальности изменили меня. Я вижу то, чего не видят люди. Я вижу будущее - не одно, а миллионы вероятных будущих. Я вижу, как каждое решение, каждый выбор, каждое слово влияет на ткань реальности. Это... ошеломляет. Это как стоять на вершине горы и видеть сразу все долины, все реки, все дороги. И ты знаешь, куда ведёт каждая из них.

- И что ты видишь? Для нас?

- В большинстве вероятностей мы проигрываем. Инспекторы отзывают Хронику. Человечество стирается. Ты исчезаешь. Я остаюсь - Хранитель без мира, который нужно хранить. Это... невыносимо.

- Но не во всех вероятностях.

- Нет. Не во всех. Есть узкие тропы, где мы побеждаем. Где мы показываем им, кто мы. Где они признают нас. Где мы становимся теми, кем нас называли Наблюдатели - наследниками всего сущего. Но эти вероятности хрупкие. Как паутина. Как крылья бабочки. Одно неверное движение - и всё рушится.

- Тогда мы будем осторожны.

- Осторожность - это не то, чему я учился. Я солдат. Я учился действовать. Атаковать. Защищать. Убивать, если нужно. А теперь я должен просто... ждать. Наблюдать. Позволять событиям идти своим чередом. Это трудно. Это противоречит всему, что я знаю.

- Я знаю. Но ты не один. Я с тобой. Все мы с тобой.

Он долго смотрел на неё. Его золотисто-серебряные глаза - такие чужие и такие знакомые одновременно - вглядывались в её лицо.

- Я боялся, - сказал он наконец. - Боялся, что, если я заговорю с тобой, ты увидишь, как я изменился. И ты не узнаешь меня. Ты отвернёшься.

- Я всегда узнаю тебя. Ты - Александр Волков. Мой муж. Мой Якорь. Мой свет. Ты можешь измениться внешне. Ты можешь стать Хранителем, частью системы, золотым и серебряным одновременно. Но твоя суть - она останется. Твоя любовь. Твоя верность. Твоя готовность защищать. Это не изменится. Это не может измениться.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что я знаю тебя. Тридцать лет. Тысячи битв. Сто жизней в симуляции. Ты ни разу не предал меня. Ни разу не отвернулся. Ты всегда был рядом. Даже когда я теряла себя - ты находил меня.

Он протянул руку. Она взяла её. Его ладонь была холодной - холоднее, чем обычно, - но прикосновение было настоящим. Она чувствовала его. Он чувствовал её.

- Я скучал по тебе, - сказал он.

- Я тоже. Возвращайся. Не в реальность - ты не можешь, я знаю. Но в те слои Хроники, где мы можем быть вместе. Где я могу говорить с тобой. Где я могу чувствовать тебя. Где мы можем встречаться во снах. Я не прошу многого. Просто... будь рядом. Когда я позову.

- Я попробую. Но я не обещаю, что смогу остаться. Инспекторы... они притягивают меня. Их присутствие, их энергия - она зовёт меня в глубину. Как магнит. Как будто я должен что-то понять. Что-то важное. Что-то, что изменит всё.

- Что?

- Я ещё не знаю. Но я узнаю. И когда узнаю, я вернусь к тебе. Обещаю.

- Я буду ждать.

- Ты всегда ждёшь.

- Это моя работа. Ждать тебя. Всегда.

Он улыбнулся - впервые за всё время их разговора. Эта улыбка была такой знакомой, такой человеческой, что Анна почувствовала, как слёзы текут по её щекам.

- Я люблю тебя, Анна Новак.

- Я знаю. И я тебя. Всегда.

Анна вышла из Хроники. Матео немедленно отключил интерфейс и проверил её показатели. Его руки дрожали.

- Ты была там почти восемь часов. Твой пульс падал трижды. Дважды я был готов отключить тебя. Ари меня удержал - сказал, что ты всё ещё борешься.

- Я в порядке. Я нашла его.

- Что он сказал?

- Он изменился. Глубины Хроники, Инспекторы, наблюдение за вероятностями - всё это повлияло на него. Он видит будущее. Он видит миллиарды вариантов. И большинство из них - плохие.

- Но не все.

- Не все. Есть шанс. Маленький, узкий, как тропа над пропастью. Но он есть.

- Мы работали с меньшими шансами.

- Да. И побеждали. - Она встала с кресла. Ноги дрожали, голова кружилась - восемь часов в Хронике истощили её. Но она устояла. - Мне нужно отдохнуть. Завтра мы продолжим подготовку.

- Ты заслужила отдых. Больше, чем кто-либо.

- Я заслужила победу. Отдых будет потом. После всего.

Ночью Анна стояла на балконе. Две звезды сияли в небе - золотая и серебряная, вращающиеся друг вокруг друга в вечном танце. Где-то там, в глубинах Хроники, Александр продолжал своё исследование, пытаясь понять природу Инспекторов. Где-то здесь, в штабе, Матео и Ари работали над расшифровкой сигналов. Где-то в городе люди спали, не знающие, что через несколько недель всё может закончиться.

Она достала из кармана золотой ключ Отца. Он всё ещё был тёплым.

- Когда-нибудь, - прошептала она. - Когда-нибудь я от-

крою эту дверь. Но не сейчас.

Она убрала ключ обратно. В кармане он тихо пульсировал теплом, напоминая о себе.

Завтра будет новый день. Завтра будет новая битва. Но сегодня она сделала то, что должна была. Она нашла Александра. И он обещал вернуться.

И где-то в глубине Хроники, среди миллиардов вероятностей, одна из них - та, где они побеждали, - стала чуть-чуть ярче.

ГЛАВА 6. «ЭХО ВОЗВРАЩАЕТСЯ»

Прошло три дня после того, как Анна нашла Александра в глубинах Хроники. Три дня относительного спокойствия - насколько спокойствие вообще было возможно, когда двойная звезда Инспекторов всё ещё висела на орбите Солнца, а Совет ломал голову над тем, как пройти оценку. Александр снова выходил на связь - не каждую ночь, но хотя бы раз в несколько дней. Он всё ещё был далёким, всё ещё изменённым, но он был там.

Анна работала в своём кабинете, просматривая отчёты о подготовке к следующей встрече с Инспекторами. Цифры не радовали. Сорок процентов населения планеты всё ещё паниковали. Двадцать процентов требовали войны. Десять процентов впали в апатию. И только тридцать процентов сохраняли спокойствие и готовились к любому исходу.

- Нужно больше работы с населением, - пробормотала она,

делая пометку в планшете. - Больше информации, больше объяснений. Люди должны понимать...

Воздух в комнате сгустился.

Анна сразу это почувствовала. Холод. Не физический - информационный. Такой же, какой она ощущала много лет назад, когда впервые столкнулась с Эхом в Городе. Только теперь этот холод был сильнее. Концентрированнее. Как будто Эхо стало более... цельным. Как будто двенадцать разрозненных голосов наконец слились в один.

Перед ней возникла фигура. Не золотая, как Хранители. Не серебряная, как Сеятели. Не чёрная, как Инквизиторы. Она была соткана из множества цветов, переливающихся, меняющихся, как масляная плёнка на воде. Двенадцать оттенков, слитых в один: белый кристалл, прозрачная медуза, зелёное дерево, коричневый гриб, синяя амфибия, красная рептилия, золотая птица, серый кит, чёрный паук, розовый цветок, серебристый туман, бронзовая Атлантида. Все двенадцать цивилизаций, уничтоженных Создателями. Все двенадцать душ, которые она освободила три года назад. Но теперь они снова были вместе. Снова были едины.

«Анна Новак».

Голос был многоголосым - хор из двенадцати голосов, звучащих в унисон. Анна узнала каждый из них.

- Эхо, - сказала она. Её голос был спокойным, но внутри всё напряглось. Правая рука автоматически потянулась к тревожной кнопке на столе, но она остановила себя. Паника

сейчас не поможет. - Ты вернулось. После трёх лет молчания. После того как я предлагала тебе покой, а ты отказалось.

«Мы никогда не уходили. Мы были здесь - в глубинах Хроники, в тени твоих строк. Мы ждали. Наблюдали. Учились. Мы видели, как вы победили Сеятелей, как заключили мир с Хранителями, как встретили Наблюдателей. Мы видели всё».

- Зачем ты здесь сейчас? Чего ты хочешь?

«Мы пришли предложить сделку. Мы знаем, как обмануть Инспекторов. Мы знаем критерии, по которым они оценивают. Мы знаем, что они ищут - и как показать им это. Мы можем помочь тебе пройти оценку. Мы можем спасти человечество».

Анна прищурилась. Она помнила, чем закончилась последняя сделка с Эхом - та, которую Александр заключил в сирийской пустыне. Тень была потеряна. Семя было посеяно. Потребовались годы, чтобы извлечь его.

- В обмен на что?

«В обмен на часть Хроники. После того как Инспекторы уйдут - если они уйдут, - мы хотим получить доступ к системе. Не контроль - мы не можем контролировать Хронику, ты защитила её строками. Но партнёрство. Мы хотим помочь тебе управлять реальностью. Мы хотим быть... советниками. Наставниками. Как Хранители, но ближе».

- Советниками? - Анна покачала головой. - Ты хочешь власти. Ты хочешь вернуться в реальность. Ты хочешь воз-

родить свои цивилизации, найти новые тела, новую форму существования.

«Мы хотим справедливости. Нас уничтожили несправедливо. Мы не заслужили стирания. Мы имеем право на существование - хотя бы в форме, в которой ты существуешь в Хронике. Как Миша. Как Эрик. Как Орион. Ты дала им второй шанс. Почему не нам?»

- Я предлагала вам это. Три года назад, сразу после освобождения. Вы отказались. Вы выбрали ненависть, а не покой. Вы выбрали месть, а не прощение. Вы остались в изгнании по собственной воле.

«Мы ошибались. Мы были ослеплены болью. Три миллиарда лет страданий не проходят бесследно. Но теперь мы видим яснее. Инспекторы - общий враг. Если они отзовут Хронику, мы все исчезнем - и люди, и Эхо, и все, кто стал частью системы. Мы предлагаем союз. Временный. Против общего врага».

Анна долго молчала. Она думала о том, что сказала Эхо. В его словах была логика - холодная, расчётливая логика. Если Инспекторы отзовут Хронику, всё будет кончено. Строки 78-84 будут аннулированы. Миша, Александр, Орион, Эрик - все, кого она любила, кто стал частью системы, - исчезнут. А Эхо? Эхо тоже исчезнет. Оно было частью Хроники - изгнанной, но частью. У них была общая цель: выживание.

Но Анна также помнила, что такое Эхо. Оно лгало. Оно манипулировало. Оно пыталось уничтожить человечество -

не один раз, а многократно. Кристалл и Пауки, две самые непримиримые души, всё ещё отказывались принять покой. Могли ли остальные измениться? Могла ли она доверять им?

- Ты говоришь, что знаешь критерии Инспекторов, - сказала она наконец, откинувшись в кресле и скрестив руки на груди. - Докажи. Расскажи мне то, чего я не знаю. То, чего нет в архивах Хранителей. То, что ты видел своими глазами.

Эхо помолчало, словно совещаясь само с собой. Его цвета переливались быстрее.

«Инспектор - это не одиночка. Это всегда пара. Золотой и Серебряный. Один оценивает цивилизацию. Второй оценивает первого. Это система двойного контроля - они проверяют не только вас, но и друг друга. Если Золотой ошибётся, Серебряный поправит его. Если Серебряный будет предвзят, Золотой вмешается. Это их способ избежать ошибок».

- Это мы уже знаем. Хранители рассказали. Что ещё?

«Их главный критерий - не сила. Не технология. Не знания. Не мораль. Их главный критерий - способность к самоограничению. Можете ли вы обладать абсолютной силой и не злоупотребить ею? Можете ли вы быть богами и остаться людьми? Можете ли вы иметь возможность уничтожить всех своих врагов - и не сделать этого?»

- Это тоже известно. Дальше.

Эхо снова помолчало. Анна видела, как его цвета становятся более тусклыми - признак напряжения.

«Инспекторы не просто наблюдают. Они провоцируют.

Они создадут ситуацию, в которой у вас появится выбор: использовать Хронику для себя или отказаться от силы ради других. Они сделают это не прямо - они не могут вмешиваться напрямую. Но они могут... ослабить ограничения. Временно отключить строки, которые сдерживают использование Хроники. Дать людям почувствовать абсолютную свободу. И посмотреть, что вы с ней сделаете».

Анна подалась вперёд. Вот оно. То, чего она боялась.

- Все строки? Или только некоторые?

«Мы не знаем точно. Но вероятнее всего - те, что ограничивают индивидуальное использование. Строка 81 - обратимость изменений. Строка 82 - фильтр эмпатии. Возможно, частично Строка 78 - свобода неотменяема. Они хотят увидеть, как вы поведёте себя, когда никто не сдерживает вас».

- И что случилось с другими цивилизациями? Когда им давали абсолютную свободу?

«Они разрушали себя. Все до единой. Они начинали редактировать реальность под себя - каждый под себя. Убирали страдания. Отменяли смерть. Создавали личные утопии. Воскрешали мёртвых - но ожившие были не теми, кем были при жизни. Они становились эхом самих себя. И в конце концов реальность распадалась, потому что миллиарды индивидуальных реальностей не могли сосуществовать».

Анна вспомнила Образец. Маленький эксперимент в швейцарской долине, где люди, получив доступ к Хронике, начали подавлять себя, боясь её оценки. Если Инспекторы

временно снимут все ограничения в глобальном масштабе - не произойдёт ли то же самое, но в миллиарды раз хуже?

- Откуда ты знаешь это? - спросила она. - Ты говоришь так, будто видело своими глазами.

«Мы видели. Мы - память двенадцати цивилизаций. Мы помним их инспекции. Мы помним их провалы. Мы помним, как они кричали, когда реальность рушилась вокруг них. Мы знаем, что их погубило. И мы знаем, как этого избежать».

- Как?

«Вы должны добровольно отказаться от абсолютной силы. Показать, что вы способны ограничить себя. Что вы цените свободу других выше собственного могущества. Что вы понимаете: сила - это не право. Сила - это ответственность. Это единственный способ пройти».

Анна встала и подошла к окну. Две звезды сияли в небе - золотая и серебряная. Где-то там Инспекторы ждали. Оценивали. Готовили свою провокацию.

- Я не могу принять твою сделку, - сказала она наконец. - Не сейчас. Возможно, никогда. Но я благодарна за информацию. Если ты действительно хочешь помочь - помоги без условий. Без платы. Без требований.

«Без платы? - Голос Эха стал резче. - Ты просишь нас о милосердии? После всего, что вы сделали с нами? После того, как Создатели уничтожили наши миры, а ты отказалась дать нам новую жизнь?»

- Я не отказывалась. Я предлагала покой. Вы не захотели его принять. Это был ваш выбор.

«Выбор? У нас не было выбора! Мы были заперты в Хронике миллиарды лет! Мы не могли уйти в покой - мы не знали, что это такое!»

- Теперь знаете. Те, кто ушли - Кит, Грибы, Цветы, Атлантида, Медузы, Деревья, Амфибии, Рептилии, Птицы, Туман - они нашли покой. Они не жалеют. Я говорила с ними - с теми, кто остался в Совете Освобождённых. Они благодарны.

«Они слабы. Мы - сильны. Мы не хотим покоя. Мы хотим жизни».

- Тогда выберите жизнь. Но не за счёт других. Не через сделку. Через изменение.

Эхо долго молчало. Его цвета переливались, менялись, сталкивались друг с другом. Анна видела, как внутри него борются двенадцать сознаний - одни склоняются к миру, другие к войне. Кристалл и Пауки, самые непримиримые, явно брали верх.

«Мы подумаем, - сказала Эхо наконец. - Но не жди, что мы станем твоими друзьями. Мы - не твои союзники. Мы - выжившие. И мы сделаем то, что должны, чтобы выжить».

- Я не жду дружбы. Я жду выбора.

Эхо исчезло, оставив после себя только слабый запах озона и холод, который медленно рассеивался.

Анна немедленно собрала команду. Матео, Ари, Мари, Хидэо, Соколов, Сибил - все были здесь через пятнадцать

минут после того, как она нажала тревожную кнопку. Александр присутствовал в виде голограммы - он только что вернулся из глубинных слоёв и выглядел истощённым, его форма была бледнее обычного.

- Эхо предлагает сделку, - сказала Анна без предисловий.

- Информация о критериях Инспекторов в обмен на часть Хроники после их ухода. Я отказалась. Но кое-что узнала.

Она пересказала разговор слово в слово. Когда она закончила, в комнате повисла тишина.

Первым заговорил Ари. Он немедленно подошёл к терминалу и начал что-то просчитывать.

- Если Эхо не лжёт, это меняет всё. Временное отключение строк - это именно тот сценарий, который я моделировал. Вероятность - около шестидесяти процентов, плюс-минус десять. Но я не думал, что они отключат все строки. Я предполагал частичное ослабление.

- Что будет, если они отключат все? - спросила Мари.

- Хаос. Каждый человек на Земле получит доступ к абсолютной силе. Сможет редактировать реальность по своему желанию. Воскрешать мёртвых. Отменять смерть. Создавать утопии. Или антиутопии. Всё зависит от человека.

- Это же кошмар. Миллиарды людей с абсолютной силой...

- Именно. Именно поэтому предыдущие цивилизации провалились. Они не справились. Они использовали силу для себя - и уничтожили друг друга.

Матео задумчиво постучал пальцами по столу. Его лицо

было мрачным.

- Мы должны подготовиться. Если это правда, у нас есть шанс. Мы можем показать Инспекторам, что мы другие. Что мы способны на самоограничение.

- Как? - спросила Мари. - Как мы можем подготовить семь миллиардов человек к такому?

- Мы не можем подготовить всех. Но мы можем подготовить тех, кто будет примером. Авторов. Членов Совета. Сотрудников Института. Если мы, те, кто понимает, добровольно откажемся от использования Хроники во время отключения строк - это будет сигналом. Для Инспекторов. Для остальных людей.

- А если остальные не последуют примеру? - спросил Хидэо. - Если они увидят в этом шанс стать богами?

- Тогда мы будем их убеждать. Не силой - словами. Расскажем об Образце. О том, что случилось, когда люди получили доступ к Хронике без ограничений. О том, что абсолютная сила развращает. О том, что предыдущие двенадцать цивилизаций погибли именно так.

Александр, молчавший всё это время, заговорил. Его голос звучал глухо, как будто издали.

- Я видел вероятности. В большинстве из них люди не выдерживают. Они выбирают силу. Они становятся богами - и разрушают себя. Я видел, как Земля превращается в лоскутное одеяло из конфликтующих реальностей. Я видел, как города исчезают, заменяясь личными утопиями их жителей. Я

видел, как люди воскрешают своих умерших - и получают не тех, кого любили, а пустые оболочки.

- Но есть и другой вариант? - спросила Анна.

- Есть. Узкая тропа. Очень узкая. Там мы отказываемся от силы. Мы показываем Инспекторам, что мы - не боги. Мы - люди. И мы выбираем остаться людьми.

- Как нам попасть на эту тропу?

- Мы должны быть едины. Не формально - по-настоящему. Должны верить друг в друга. Должны показать пример. Должны быть готовы отказаться от всего - даже от тех, кого любим.

Анна посмотрела на него. Она знала, что он имеет в виду. Миша. Эрик. Орион. Все, кто стал частью Хроники. Если строки будут отключены, их можно будет вернуть - temporarily, но можно. Воскресить. Дать им новые тела. Сделать их снова живыми.

И она должна будет отказаться от этого. Чтобы показать пример. Чтобы пройти испытание.

- Я готова, - сказала она. - Я откажусь. От всего.

- Мы все откажемся, - поддержала Мари.

- Я тоже, - сказал Ари.

- И я, - добавил Хидэо.

- И я, - сказал Соколов. Он редко говорил на таких собраниях, но сейчас его голос был твёрдым. - После всего, что я сделал... это меньшее, что я могу.

Сибил, сидевшая в углу с неизменной тростью, тихо ска-

зала:

- Я стара. Мне нечего воскрешать. Все, кого я любила, уже ушли. Но я откажусь от силы - ради тех, кто ещё жив.

Анна обвела их взглядом. Свою команду. Свою семью.

- Хорошо. Тогда начинаем подготовку.

Следующие несколько дней прошли в лихорадочной работе. Анна снова встретилась с Эхом - на этот раз для допроса. Она хотела узнать всё, что Эхо знало об Инспекторах: их историю, их методы, их слабости.

«У Инспекторов нет слабостей, - сказала Эхо на третьей встрече. - Они - сама справедливость. Беспристрастная. Абсолютная. Но у них есть... особенность. Они всегда действуют вдвоём. Золотой и Серебряный. И они не всегда согласны друг с другом».

- Они спорят?

«Не как люди. У них нет эмоций в вашем понимании. Но у них есть разные... перспективы. Золотой ценит порядок. Серебряный - свободу. Они дополняют друг друга. Но иногда их перспективы конфликтуют. Если ты сможешь найти точку конфликта - ты сможешь апеллировать к каждому по отдельности».

- Как мне найти эту точку?

«Ты - Автор. Ты видишь структуру реальности. Посмотри на них. Не глазами - даром. Увидишь паттерн, который я не могу описать словами».

Анна запомнила это.

Она также расспросила Эхо о предыдущих инспекциях. О двенадцати цивилизациях. О том, как они проходили испытание - и проваливали его.

«Кристаллы пытались стать единым организмом, - рассказывало Эхо. - Они думали, что если сольются в одно существо, то перестанут конфликтовать. Но они потеряли индивидуальность. Инспекторы сочли это отказом от свободы».

«Медузы пытались создать абсолютный мир без боли. Они отменили страдания - и вместе с ними отменили радость. Их мир стал серым. Инспекторы сочли это отказом от эмпатии».

«Деревья пытались заморозить время. Остановить изменения. Сохранить всё как есть. Но жизнь без изменений - это смерть. Инспекторы сочли это отказом от роста».

Каждая цивилизация совершала одну и ту же ошибку: они пытались решить проблему силы, устранив саму проблему. Они не пытались ограничить себя - они пытались изменить реальность так, чтобы ограничения не требовались.

- А мы? - спросила Анна. - Что мы должны сделать?

«Вы должны принять силу - и отказаться от неё. Одновременно. Показать, что вы можете быть богами - и выбираете быть людьми. Это парадокс. Но Инспекторы ценят парадоксы. Они считают их признаком зрелости».

Анна запомнила и это.

На пятый день после возвращения Эха Анна собрала расширенный Совет. Присутствовали все: двенадцать предста-

вителей, Хранители, Арес и Танатос, команда Института. Анна изложила план, основанный на информации, полученной от Эха.

- Инспекторы, скорее всего, временно отключат строки, - сказала она. - Они создадут ситуацию, в которой каждый человек получит доступ к абсолютной силе. Это будет испытанием. Мы должны быть готовы.

- Как мы можем подготовиться? - спросил сенатор Митчелл. - Мы не можем контролировать семь миллиардов человек.

- Мы не будем их контролировать. Мы будем их информировать. Мы расскажем людям правду - о том, что может произойти. О предыдущих цивилизациях. О том, что абсолютная сила - это не дар, а испытание. О том, что отказ от силы может быть единственным способом её сохранить.

- Они не послушают, - возразил представитель Китая. - Когда люди получают силу, они будут использовать её. Это человеческая природа.

- Человеческая природа изменилась, - ответила Анна. - Мы прошли через Суд Создателей, через Испытания Инквизиторов, через войну с Сеятелями. Мы изменились. Я верю в это.

- А если вы ошибаетесь? - спросил Нкомо. В его голосе не было агрессии - только усталость.

- Тогда мы будем бороться. Не оружием - убеждением. Мы покажем пример. Когда строки будут отключены, все члены

Совета, все Авторы, все сотрудники Института добровольно откажутся от использования Хроники. Мы покажем, что сила - не в могуществе. Сила - в самоограничении.

- Это огромный риск. Если мы откажемся, а другие нет...

- Тогда Инспекторы увидят и это. Они увидят, кто мы.

Настоящие.

Совет голосовал. Решение было принято почти единогласно - только двое воздержались. План «Самоограничение» вступил в силу.

Подготовка к возможному отключению строк заняла неделю. Ари и Матео разработали систему оповещения - сеть, которая должна была предупредить всех Авторы о начале испытания. Мари и Хидэо координировали связь с терминалами. Соколов готовил эвакуационные маршруты - на случай, если ситуация выйдет из-под контроля. Сибил писала обращение к человечеству - простое, ясное, без пафоса.

Анна работала по восемнадцать часов в сутки. Она спала урывками, ела на ходу, не выпускала планшет из рук. Александр появлялся раз в несколько дней - его форма была всё более бледной, но он держался.

- Ты истощена, - сказал он однажды вечером. - Ты не спала трое суток.

- Посплю после. Когда всё закончится.

- Если всё закончится хорошо.

- Когда всё закончится хорошо.

Он не стал спорить.

Накануне предполагаемой даты отключения строк - по расчётам Ари, Инспекторы должны были действовать в ближайшие дни - Анна собрала команду в последний раз.

- Завтра может случиться всё что угодно, - сказала она. - Мы можем проснуться в мире, где каждый человек - бог. Мы должны быть готовы. Помните: мы отказываемся от силы. Не потому, что боимся. Потому что выбираем быть людьми.

- Мы готовы, - сказала Мари.

- Готовы, - подтвердил Ари.

- Всегда готовы, - добавил Соколов.

Анна посмотрела на них. На людей, с которыми прошла через ад. Которые ни разу не предали. Которые верили в неё даже тогда, когда она сама в себя не верила.

- Тогда вперёд.

ГЛАВА 7. «ПОДГОТОВКА»

До предполагаемого отключения строк оставалось двадцать шесть дней. Двадцать шесть дней, которые Анна намеревалась использовать с максимальной эффективностью. После разговора с Эхом и анализа его информации она знала: Инспекторы - это пара. Золотой ценит порядок, Серебряный - свободу. Они дополняют друг друга, но иногда конфликтуют. Если найти точку конфликта, можно апеллировать к каждому по отдельности. А для этого нужно понять их. Не как абстрактных судей - как личности.

И ещё: Инспекторы создадут провокацию. Они временно

отключат строки, ограничивающие использование Хроники, и посмотрят, что люди сделают с абсолютной силой. Это будет главным испытанием. И к нему нужно подготовиться.

Анна сидела в своём кабинете, окружённая голографическими проекциями. Перед ней висели три схемы: структура Хроники с отмеченными уязвимыми точками, известные данные об Инспекторах, собранные из архивов Хранителей и рассказов Эха, и календарный план подготовки, расписанный по дням. Она работала над ними с шести утра, и солнце уже клонилось к закату, окрашивая Женевское озеро в оранжевые тона.

- Ты опять не ела, - сказал Матео, входя с подносом. На подносе стояли сэндвич и чашка кофе. - Я знаю, что ты забываешь. Поэтому принёс. И не спорь.

- Спасибо. - Анна взяла сэндвич, откусила, даже не почувствовав вкуса. Её мысли были заняты другим. Она жевала механически, глядя на схемы. - Матео, мне нужно понять Инспекторов. Эхо сказало, что они разные - Золотой и Серебряный. Что у них есть точка конфликта. Как мне найти её?

- Думай, как лингвист. Ты всегда так делаешь. Ты видишь структуру языка - а их сигналы, их двойная звезда, их взаимодействие друг с другом - это тоже язык.

- Я пытаюсь. Но у меня недостаточно данных. Я знаю, что они ценят: порядок и свободу. Но это абстракции. Мне нужно что-то конкретное. Что-то, что можно использовать в диа-

логе. Какой-то рычаг.

- Тогда поговори с ними. Не жди официальной встречи. Попробуй установить контакт сейчас, до того как они начнут испытание.

- Через Хронику?

- Да. Ты - Автор. Ты можешь читать язык реальности. Их двойная звезда излучает сигналы - мы фиксируем их на всех частотах. Попробуй расшифровать их. Пойми, о чём они говорят друг с другом. Подслушай их разговор.

Анна задумалась. Это была хорошая идея - и опасная. Если Инспекторы воспримут попытку подслушивания как агрессию или вмешательство, они могут ускорить испытание. Могут решить, что человечество пытается манипулировать ими. Но без понимания их динамики она не сможет подготовиться должным образом.

- Я попробую, - сказала она. - Сегодня ночью. Когда сигнал будет чище.

- Я буду следить за твоими показателями. Если что-то пойдёт не так...

- Ты вернёшь меня. Знаю. Ты всегда это говоришь.

- И всегда делаю.

Анна вошла в Хронику в полночь. На этот раз она не погружалась глубоко - она осталась в верхних слоях, ближе к реальности, где сигнал двойной звезды был слышен отчётливее. Он пронизывал Хронику, как далёкая музыка - ритмичная, многослойная, сложная.

Она настроилась на него. Её дар позволял видеть структуру языка - и сигнал Инспекторов был языком. Не словесным - информационным. Потоки данных, концептов, образов, которыми обменивались Золотой и Серебряный. Они говорили не словами - они обменивались целостными смысловыми пакетами, каждый из которых содержал гигабайты информации.

Она начала читать.

Это было похоже на подслушивание чужого разговора - только разговор шёл на уровне, который обычный человек не мог бы даже воспринять. Золотой передавал Серебряному образ: человечество, его история, его конфликты, его достижения. Анна видела, как в этом образе мелькают знакомые картины - войны, революции, открытия, акты милосердия и жестокости. Серебряный отвечал другим образом: потенциал, возможности, риски, вероятные будущие.

«Они оценивают нас, - поняла Анна. - Прямо сейчас. Они обсуждают нас. Дискутируют».

Она читала дальше, стараясь не выдать своего присутствия. Золотой передал новый концепт: «Цивилизация демонстрирует признаки самоорганизации. Конфликт с генералом Нкомо разрешён мирно. Совет принял резолюцию о единстве. Это положительный маркер. Это говорит о способности к компромиссу».

Серебряный ответил скептическим образом: «Но резолюция была принята после внешнего давления. После того как

они узнали о нашем присутствии. Без угрозы Инспекции они бы не объединились. Это реакция на страх, а не внутренняя потребность в единстве. Это не показатель зрелости - это показатель инстинкта самосохранения».

Золотой: «Реакция на страх - тоже реакция. Они могли выбрать войну, как выбирали многие до них. Они выбрали мир. Это осознанный выбор, а не просто инстинкт».

Серебряный: «Выбрали под давлением. Мы должны увидеть, что они выберут без давления. Когда строки будут отключены. Когда они получат абсолютную свободу. Тогда мы увидим их истинную природу».

Анна почувствовала, как сердце забилося быстрее. Они действительно планируют отключить строки. Это не предположение, не гипотеза - это факт. И они спорят об этом.

Золотой: «Ты слишком строг к ним. Они прошли через многое. Суд Создателей. Испытания Инквизиторов. Войну с Сеятелями. Они заключили мир с теми, кто хотел их уничтожить. Они встретили Наблюдателей и были признаны достойными. Они изменились за эти годы».

Серебряный: «Изменения могут быть временными. Мы видели это раньше. Цивилизации, которые казались достойными, которые проходили предварительные тесты, но ломались при первой же возможности получить абсолютную силу. Вспомни Кристаллов - они были гармоничны, пока не получили шанс стать единым организмом. Вспомни Медуз - они были мирны, пока не попытались отменить страдание.

Каждая цивилизация проходит через это. И каждая ломается».

Золотой: «Анна Новак не сломалась. Она прошла через сто жизней в симуляции и ни разу не предала свои принципы. Она отказалась от посвящения, чтобы остаться человеком. Она исцелила Первого. Она говорила с Иглой и выжила».

Серебряный: «Она - исключение. Уникальный индивид. Нас интересует не она. Нас интересует человечество в целом. Семь миллиардов индивидов. Смогут ли они проявить такую же сдержанность?»

Золотой: «У них есть лидер. У них есть пример. Анна Новак покажет им путь».

Серебряный: «Посмотрим. Я надеюсь, что ты прав. Но я готовлюсь к худшему».

Сигнал изменился - Инспекторы перешли к другой теме. Анна вышла из Хроники. Её руки дрожали - не от страха, а от возбуждения. Она получила то, что искала. Золотой был на их стороне - или, по крайней мере, склонялся к положительной оценке. Серебряный был более скептичен. Он не верил, что человечество изменилось. Он хотел увидеть доказательства.

- Значит, мы должны убедить Серебряного, - сказала она вслух. - Показать ему, что мы не ломаемся. Что мы - не Кристаллы, не Медузы, не Деревья. Что мы - люди. И мы выбираем самоограничение.

На следующее утро Анна собрала команду в полном составе. Матео, Ари, Мари, Хидэо, Соколов, Сибил - все были здесь. Даже Нкомо пришёл, узнав о срочном совещании. Александр появился в виде голограммы - его форма мерцала, но была стабильной.

Анна рассказала о том, что услышала в Хронике. О разговоре между Золотым и Серебряным. О том, что они планируют отключение строк. О том, что Золотой склоняется к положительной оценке, а Серебряный сомневается.

- Золотой на нашей стороне, - подвела итог Анна. - Но Серебряный - скептик. Он видел слишком много провалов. Он не верит, что мы изменились. Мы должны убедить его.

- Как? - спросила Мари.

- Через самоограничение. Когда строки будут отключены, мы - те, кто понимает, что происходит, - должны добровольно отказаться от использования Хроники. Мы должны показать, что сила для нас - не вседозволенность. Что свобода - это ответственность.

- Это сработает? - спросил Нкомо.

- Должно. Золотой оценит наш порядок - добровольный отказ от силы. Серебряный оценит нашу свободу - свободу выбирать ограничение. Это попадёт в точку конфликта между ними и разрешит её. Они оба увидят то, что хотят видеть.

Ари, сидевший за терминалом, задумчиво постучал пальцами по столу.

- Это хороший план. Теоретически. Но у него есть уяз-

вимость. Мы - несколько тысяч человек. Авторы, члены Совета, сотрудники Института. Мы можем отказаться от Хроники. Но что насчёт остальных? Семи миллиардов? Кто-то из них обязательно использует силу. Кто-то воскресит умерших. Кто-то создаст личную утопию. Кто-то попытается стать богом. Как мы можем это контролировать?

- Мы не можем контролировать, - признала Анна. - Но мы можем влиять. Мы должны рассказать людям о том, что произойдёт. Подготовить их. Объяснить, что абсолютная сила - это испытание, а не награда.

- И вызвать панику? - спросил Матео.

- И вызвать осознанность. Люди имеют право знать, к чему готовиться. Мы больше не прячем правду. Это урок, который мы выучили давно - ещё во времена «Ориона», когда секреты едва не погубили нас всех.

- И как мы это сделаем? - спросила Сибил. - Как мы расскажем семи миллиардам человек, что скоро они могут стать богами, но лучше им этого не делать?

- Мы используем все каналы. Все СМИ. Все соцсети. Все Школы Авторов. Мы запишем обращение. Простое, ясное, без пафоса. Сибил, ты умеешь писать. Поможешь?

- Уже пишу, - ответила Сибил, поднимая планшет. - Я начала вчера. Знала, что ты попросишь.

Анна улыбнулась краешком губ.

- Тогда читай.

Сибил откашлялась и начала:

«Обращение к человечеству от Института Хроники. В ближайшие дни может произойти событие, которое изменит всё. Инспекторы - существа, оценивающие нашу цивилизацию, - могут временно отключить ограничения на использование Хроники. Каждый человек на Земле получит доступ к абсолютной силе. Вы сможете редактировать реальность. Исцелять болезни. Создавать ресурсы. Воскрешать умерших. Это не награда. Это испытание. Предыдущие двенадцать цивилизаций, получившие такую силу, уничтожили себя. Они не справились. Мы должны справиться. Когда сила придёт - откажитесь от неё. Покажите, что вы - не боги. Что вы - люди. Что вы выбираете свободу других выше собственного могущества. Это единственный способ сохранить всё, что мы построили. Это единственный способ пройти».

В комнате повисла тишина. Потом заговорил Нкомо:

- Это сильно. Но послушают ли они?

- Не все, - честно ответила Анна. - Но те, кто послушают, станут примером. А пример заразителен.

Подготовка к отключению строк шла полным ходом. Анна работала по восемнадцать часов в сутки. Она выступала перед Советом, перед Авторами, перед журналистами, перед обычными людьми, которые приходили к штабу Института в надежде услышать её лично. Она говорила о том, что может произойти. О том, что абсолютная сила - это испытание. О том, что отказ от неё - единственный способ её сохранить.

Реакция была разной. Кто-то верил ей. Кто-то считал её

сумасшедшей. Кто-то требовал использовать силу немедленно - «пока Инспекторы не отняли её». Кто-то обвинял её в том, что она хочет лишить людей шанса на спасение - «вы просто боитесь, что мы станем такими же, как вы!».

Ари и Матео разработали систему оповещения - сеть, которая должна была предупредить всех Авторов о начале испытания. Они установили датчики на все тринадцать терминалов, настроили их на отслеживание колебаний в Хронике. Когда строки начнут отключаться, система подаст сигнал - и все Авторы узнают об этом одновременно.

Мари и Хидэо координировали связь с Школами по всему миру. Они провели десятки видеоконференций с преподавателями, объясняя, что делать, когда начнётся испытание. «Никакой паники, - повторяла Мари. - Никакой агрессии. Только спокойствие. Только пример».

Соколов готовил эвакуационные маршруты - на случай, если ситуация выйдет из-под контроля. Он составил планы для каждого крупного города, рассчитал время, необходимое для перемещения населения в безопасные зоны. «Надеюсь, это не понадобится, - сказал он. - Но лучше быть готовым».

Сибил работала над обращениями - для разных аудиторий, на разных языках. Она адаптировала текст для каждой культуры, для каждой возрастной группы. «Дети поймут одно, - говорила она. - Взрослые - другое. Важно, чтобы каждый услышал то, что ему нужно услышать».

Нкомо стал неожиданным союзником. Он выступал перед военными, призывая их к сдержанности. «Я хотел войны, - говорил он. - Я хотел мести. Но доктор Новак показала мне другое. Она показала, что сила - не в оружии. Сила - в выборе. Я выбираю мир. Я выбираю самоограничение. И вам советую».

После одного из таких выступлений к Анне подошёл молодой офицер из его штаба.

- Доктор Новак, можно вопрос?

- Конечно.

- Генерал Нкомо изменился. Раньше он говорил только о войне. А теперь - о мире. Что вы с ним сделали?

- Ничего. Я просто выслушала его. Он рассказал мне о своей семье. О деревне, которую стёрли. О жене и детях, которых он потерял. Я не могла вернуть их. Но я могла признать его боль. Иногда этого достаточно.

Офицер долго смотрел на неё. Потом кивнул.

- Я запомню это.

Эхо снова вышло на связь за пять дней до предполагаемого отключения строк. Анна была в лаборатории, когда воздух сгустился и появилась переливающаяся фигура.

«Ты готовишься, - сказала Эхо. - Мы видим. Ты рассказываешь людям правду. Это смело».

- Это необходимо. Они должны знать.

«Многие не слушают. Многие используют силу. Ты знаешь это».

- Знаю. Но я должна попробовать.

Эхо помолчало. Его цвета переливались медленнее обычного - признак задумчивости.

«Мы думали над твоим предложением. Помочь без платы. Без условий».

- И?

«Мы... не можем. Пока не можем. Слишком много боли. Слишком много ненависти. Кристалл и Пауки не согласны. Они хотят использовать отключение строк для захвата Хроники. Они думают, что смогут вернуть наши миры».

- Это безумие. Отключение строк - временное. Когда Инспекторы восстановят их, всё вернётся.

«Кристалл думает, что сможет создать новую строку до того, как Инспекторы вмешаются. Строку, которая навсегда отдаст Хронику нам».

- Это невозможно. Инспекторы не допустят.

«Возможно. Но Кристалл верит. И он убедил Пауков. Они готовят атаку. Мы... мы не можем остановить их. Мы слишком разделены».

Анна сжала кулаки. Эхо не было единым - она знала это с самого начала. Двенадцать сознаний, объединённых общей болью, но разделённых разными желаниями. Кристалл - самый древний, самый гордый. Пауки - самые терпеливые, самые хитрые. Они всегда были проблемой.

- Когда они планируют атаку?

«Во время отключения строк. Когда Хроника будет наи-

более уязвима».

- Спасибо за предупреждение. Я приму меры.

«Не благодари. Мы не помогаем тебе. Мы... предупреждаем. Это другое».

- Понимаю. Но всё равно спасибо.

Эхо исчезло. Анна немедленно связалась с Александром через Хронику.

- Кристалл и Пауки планируют атаку, - сказала она. - Во время отключения строк. Они хотят захватить Хронику.

«Я знаю. Я чувствую их. Они готовятся в глубинных слоях. Я слежу за ними».

- Ты можешь остановить их?

«Один - нет. Но с Орионом, Эриком, Мишей и Протоколом - да. Мы будем на страже».

- Будьте осторожны.

«Ты тоже».

За три дня до предполагаемого отключения строк Анна собрала команду в последний раз. Они встретились в том же зале, где начинали свой путь много лет назад. Те же лица - плюс новые. Нкомо, ставший союзником. Молодые Авторы, выросшие за эти годы. Представители Совета, которые когда-то были врагами.

- Мы не знаем точно, когда это произойдёт, - сказала Анна. - Может быть, завтра. Может быть, через неделю. Но мы должны быть готовы в любой момент. Когда строки отключат, мы откажемся от Хроники. Все. Без исключений.

- Даже если... - начала Мари и замолчала.

- Даже если появится шанс вернуть Эрика? - закончила Анна. - Да. Мы откажемся. Потому что это единственный способ сохранить всё, что мы построили. Потому что Эрик сам сделал бы так. Он пожертвовал собой ради реальности. Мы не предадим его жертву.

Мари опустила глаза. По её щекам текли слёзы, но она кивнула.

- Я откажусь. Ради него. Ради всех.

- Я тоже, - сказал Ари.

- И я, - добавил Хидэо.

Соколов молча кивнул. Он редко говорил, но его молчание было красноречивее слов.

Сибил, сидевшая в углу с неизменной тростью, тихо сказала:

- Я откажусь. Мне нечего воскрешать. Все, кого я любила, уже ушли. Но я откажусь ради вас. Ради будущего.

Анна посмотрела на них. На людей, которые стали её семьёй. Которые прошли с ней через Город, через Суд, через Эхо, через войну, через мир.

- Тогда вперёд, - сказала она. - Покажем им, кто мы.

Отключение строк произошло на рассвете, через два дня после последнего собрания.

Анна проснулась от странного ощущения. Что-то изменилось в самой ткани реальности. Она закрыла глаза и потянулась к Хронике - и не почувствовала её. Вернее, почувство-

вала - но иначе. Строки 78, 79, 80, 81, 82 - они всё ещё были там. Но они были приглушены. Ослаблены. Как музыка, которую играют через толстую стену. Как свет, который пробивается сквозь плотные шторы.

- Началось, - прошептала она.

Она встала с кровати и подошла к окну. Над Женовой занимался рассвет - небо окрасилось в розовые и золотые тона. Две звезды сияли в небе - золотая и серебряная, вращающиеся друг вокруг друга. Они пульсировали в такт, и их пульсация была быстрее обычного. Инспекторы наблюдали. Ждали.

Анна закрыла глаза и попыталась использовать Хронику - просто чтобы проверить, как далеко простирается отключение. Она попыталась создать маленький предмет - чашку, цветок, что-нибудь незначительное. И у неё получилось. Чашка появилась в её руке - настоящая, твёрдая, керамическая, с тонким золотым ободком. Сила работала. Строки были ослаблены, но не исчезли.

Она могла бы сейчас сделать всё, что угодно. Исцелить всех больных в мире. Накормить всех голодных. Остановить все войны. Воскресить Мишу - по-настоящему, в физическом теле, с бьющимся сердцем и тёплой кожей. Дать Александру новую жизнь - вытащить его из Хроники, сделать снова человеком. Стать богиней. Спасительницей. Владычицей реальности.

Она поставила чашку на стол. Медленно, осторожно,

словно чашка была из тончайшего стекла.

Она не будет использовать Хронику. Она покажет Инспекторам, что сила - не в могуществе. Сила - в выборе. В отказе. В самоограничении.

Теперь дело было за остальными.

Первые сообщения начали поступать через час после отключения строк.

Париж: несколько Авторов, только что получивших сертификаты, начали воскрешать умерших родственников. Один из них вернул жену, погибшую в автокатастрофе пять лет назад. Жена появилась - но она была не той. Она помнила свою жизнь, но не чувствовала эмоций. Она была как голограмма - точная копия, но пустая внутри. Муж не мог смотреть на неё. Он попытался отменить воскрешение, но Строка 81 была ослаблена, и обратимость работала с перебоями.

Токио: группа «отказников», которые раньше протестовали против Хроники, теперь сами начали её использовать. Они создали зону, свободную от технологий, - кусок древней Японии посреди мегаполиса. Они были счастливы - но их счастье строилось на отрицании реальности других людей. Те, кто жил в соседних кварталах, жаловались, что их реальность тоже меняется - против их воли.

Нью-Йорк: молодой Автор, гениальный, но амбициозный, объявил себя богом. Он создал над Манхэттеном гигантскую проекцию своего лица и транслировал свои мысли на весь город. «Я - новый Создатель, - говорил он. - Я приведу вас

к свету». Тысячи людей поверили ему. Тысячи других пытались его остановить.

Москва: толпа на Красной площади пыталась коллективно воскресить Ленина. У них получилось - но воскрешённый был не тем Лениным, которого они ожидали. Он был пустым, безличным, как манекен. Толпа в ужасе разбежалась.

Лагос: группа врачей использовала Хронику для массового исцеления. Они вылечили тысячи больных за несколько часов - малярию, холеру, СПИД. Это было чудо. Но они не спросили разрешения у пациентов. Некоторые из исцелённых были недовольны - они не хотели, чтобы их реальность меняли без их согласия.

Женева: штаб Института Хроники оставался островком спокойствия. Анна, её команда, все Авторы, все члены Совета - они не использовали Хронику. Они сидели в командном центре и смотрели, как мир сходит с ума. Им было больно. Им хотелось вмешаться - остановить безумцев, исцелить страждущих, утешить плачущих. Но они не вмешивались. Они ждали. Они показывали пример.

- Это самое трудное, что я когда-либо делал, - сказал Ари. - Сидеть и смотреть, как люди разрушают себя, и не вмешиваться.

- Я знаю, - ответила Анна. - Но это наш выбор. Мы показываем им, что сила - не в действии. Сила - в сдержанности.

- А если они не поймут?

- Тогда мы будем объяснять. После. Когда всё закончится.

На второй день после отключения строк Эхо нанесло удар.

Кристалл и Пауки, как и предупреждало Эхо, попытались захватить Хронику. Они атаковали глубинные слои, где строки были наиболее ослаблены. Их целью была Строка 78 - «Свобода неотменяема». Если бы они смогли изменить её, они получили бы контроль над всей системой.

Александр, Орион, Эрик, Миша и Протокол встали на их пути.

Битва была невидимой для людей - она происходила в информационных слоях реальности. Но её последствия ощущались повсюду. Терминалы по всему миру начали пульсировать красным. Зонды Ари зафиксировали всплески энергии, сравнимые с ядерными взрывами. В нескольких городах временно пропала связь.

Анна чувствовала эту битву через резонанс с Александром. Она сидела в командном центре, закрыв глаза, и видела, как её муж, её сын, её друзья сражаются с двумя древними сознаниями, которые отказывались принимать покой.

«Держись», - мысленно повторяла она.

«Держусь, - отвечал Александр. - Мы побеждаем».

К полудню битва закончилась. Кристалл и Пауки были отброшены обратно в изгнание. Строки устояли. Александр, Орион, Эрик, Миша и Протокол выстояли - израненные, истощённые, но живые.

«Они не сдадутся, - сказал Александр, когда Анна вошла в Хронику, чтобы проверить их. - Они будут пытаться снова.

Но мы будем готовы».

- Отдыхайте, - ответила Анна. - Вы заслужили.

«Ты тоже. Но ты не отдыхаешь».

- Отдохну после. Когда всё закончится.

На третий день после отключения строк люди начали приходить в себя.

Эйфория от абсолютной силы сменялась осознанием её последствий. Те, кто воскресил умерших, увидели, что их близкие вернулись не такими, какими были. Те, кто создал личные утопии, обнаружили, что они одиноки в своём совершенном мире. Те, кто попытался стать богом, поняли, что божественность - это одиночество.

И тогда они начали отказываться от силы. Сначала единицы. Потом десятки. Потом сотни, тысячи, миллионы. Они смотрели на пример Анны и её команды - и следовали ему.

- Это работает, - сказала Мари на четвёртый день. - Они понимают.

- Не все, - ответила Анна. - Но большинство. И этого достаточно.

На пятый день после отключения строк Инспекторы восстановили их.

Это произошло так же внезапно, как и отключение. Анна почувствовала, как Строки 78, 79, 80, 81, 82 снова засияли в полную силу. Как Хроника вернулась к своему обычному состоянию. Как баланс был восстановлен.

Две звезды в небе - золотая и серебряная - пульсировали

медленнее. Инспекторы наблюдали. Ждали.

- Мы прошли? - спросила Мари.

- Ещё нет, - ответила Анна. - Но мы сделали первый шаг.

ГЛАВА 8. «ИНТЕГРАЦИЯ»

Протокол «Интеграция» был разработан Матео три года назад, сразу после того, как Александр стал Хранителем. Тогда он казался чистой теорией - рискованной, опасной, почти безумной. Идея заключалась в том, чтобы слить два сознания в одно на ограниченное время, создав единое существо, которое будет обладать знаниями, памятью и способностями обоих. Но тогда в этом не было необходимости. Теперь - было.

После отключения строк и попытки Кристалла и Пауков захватить Хронику стало ясно: чтобы убедить Инспекторов, нужен кто-то больший, чем Анна Новак и Александр Волков по отдельности. Нужен кто-то, кто сможет говорить с Золотым и Серебряным на их уровне. Кто сможет видеть реальность как единую ткань. Кто сможет понять их точку конфликта и разрешить её.

Нужен был «АннаАлександр».

Матео стоял в лаборатории перед голографической схемой протокола. Его лицо было бледным - он не спал уже вторые сутки, готовя оборудование. Вокруг него суетились ассистенты, проверяя нейроинтерфейсы, калибруя сенсоры, тестируя системы жизнеобеспечения.

- Я должен предупредить вас, - сказал он, когда Анна и Александр вошли в лабораторию. Александр был материальным - он использовал почти весь свой месячный резерв, чтобы присутствовать здесь физически. - Это самая опасная процедура из всех, что мы когда-либо проводили. Риск потери личности составляет около сорока процентов. Риск необратимого слияния - около пятнадцати. Риск полной потери рассудка...

- Матео, - перебила Анна. - Мы понимаем риски. Мы готовы.

- Я знаю, что вы готовы. Но я должен был сказать. Как врач. Как друг.

- Мы ценим это. Но решение принято.

Матео вздохнул и кивнул.

- Тогда начнём. У нас есть тридцать три часа. Ровно столько, сколько вы будете интегрированы. Ни минутой больше. Если процедура затянется, последствия могут быть необратимыми.

Анна и Александр сели в кресла нейроинтерфейса. Они стояли рядом - так, чтобы можно было держаться за руки. Матео подключил электроды - десятки серебристых датчиков, которые должны были синхронизировать их мозговую активность. Ари сел за пульт управления. Мари и Хидэо встали у дверей - на случай, если потребуется физическое вмешательство.

- Начинаем отсчёт, - сказал Матео. - Десять. Девять. Во-

семь.

Анна посмотрела на Александра. Его лицо было спокойным, но она знала его достаточно хорошо, чтобы видеть напряжение в уголках глаз.

- Увидимся на другой стороне, - сказала она.

- Увидимся.

- Семь. Шесть. Пять. Четыре.

Она закрыла глаза.

- Три. Два. Один. Активация.

Первое, что почувствовало существо, которое только что родилось, - была боль. Не физическая. Информационная. Два сознания, две памяти, две личности - они сталкивались, как тектонические плиты, вызывая землетрясения в каждой клетке.

Анна видела всё, что видел Александр. Сирия. Пустыня. Пуля, застывшая в воздухе. Зеркальное существо, предлагающее сделку. Потеря тени. Боль от потери себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.